КВАРТАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К „ГОЛОСУ ТЕКСТИЛЕЙ“

ДЖЭК ЛОНДОН

БЕЛЫЙ КЛЫК



ИЗЛАНИЕ ЦК СОЮЗА ТЕКСТИЛЬЩИКОВ

МОСКВА



1928

Типография и офсет-печатня
Издательства
„КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА"
Москва, Сущевская, 21.
Мосгублит № 4950. Тир. 20.000

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Погоня за пищей

Мрачный сосновый лес хмурился по берегам замерзшей реки. Недавно бушевавший ветер стряхнул с деревьев их белый убор из инея. Черные, зловещие, жались они друг к другу в умирающем свете дня. Глубокое молчание царило вокруг.

По замерзшей реке спускалась запряжка из волкодавов. Косматая шерсть собак заиндевела на морозе, а их дыхание тотчас же превращалось в воздухе в облако пара и оседало кристаллами на шкуре. На собаках была надета кожаная упряжь, и кожаными постромками они были привязаны к саням, которые тащились за ними. Сани, сделанные без полозьев из крепкой березовой коры, всею поверхностью лежали на снегу. Их передняя часть загибалась, как свиток, кверху, чтобы не зарываться в мягкий снег, волнообразно расстилавшийся перед ними. Прочно прикрепленный ремнями лежал на санях продолговатый, узкий ящик. Были там и другие вещи — шерстяные одеяла, топор, кофейник и сковороды, но большую часть саней занимал продолговатый, узкий ящик.

Впереди собак на широких лыжах с усилием подвигался человек. Позади саней с трудом тащился другой, а третий, для кого всякий труд был окончен, лежал на санях в ящике, лежал побежденный, уничтоженный пустынею и уже неспособный более ни двигаться, ни бороться с препятствиями.

Два человека, которых еще не сразила смерть, неустрашимо и энергично одолевали путь через пустыню. Они были одеты в меха и в мягкие дубленые кожи. Собственное дыхание, превращаясь в сосульки, до такой степени залепило их ресницы, щеки и губы, что нельзя было разглядеть их лиц. Это придавало им вид привидений или могильщиков из загробного мира, совершающих погребение призрака.

Они брели молча, сберегая силы для движения. Всюду царила гнетущая тишина.

Прошел час, прошел другой. Бледный свет короткого, без солнца, дня уже начал меркнуть, и вдруг в тихом воздухе пронесся слабый, отдаленный вой. Он стремительно взлетел кверху, достиг самой высокой ноты, дрожа и напрягаясь, остановился на ней, а затем медленно замер.

Шедший впереди обернулся и обменялся взглядом с шедшим позади — и оба, отделенные друг от друга продолговатым ящиком, покачали головами.

— Гонятся за нами, Билль, — сказал шедший перед санями.

Его голос звучал хрипло, неестественно и натужно.

— С пищей плоховато, — ответил товарищ. — Уже несколько дней я не вижу ни одного кроличьего следа.

При наступлении темноты они направили собак в сосновую чащу на берегу и сделали привал. Поставленный близко к костру гроб превратился в стол и скамью. Невдалеке от огня собаки, сбившись в кучу, огрызались и ссорились между собою, но не выказывали ни малейшего желания убежать в темноту.

— Сдается мне, Генри, чересчур уж близко жмутся они к костру, — заметил Билль.

Генри, присевший на корточки у огня и устанавливавший кофейник с куском льда, кивнул.

— Они знают, где их шкуры в безопасности, — сказал он. — Для них лучше получать корм, чем самим сделаться кормом.

— Генри, — сказал второй, пережевывая в раздумьи бобы, — обратил ли ты внимание на то, как грызлись собаки, когда я раздавал им корм?

— Да, возни было больше, чем обычно, — подтвердил Генри.

— Сколько мы взяли с собой собак?

— Шесть.

— Ладно, Генри... — Билль с минуту помолчал, чтобы придать больше значения своим словам. — У нас шесть собак, Я и вынул шесть рыб. Одноухому рыбы не хватило. Я вернулся к мешку и достал ему его рыбу.

— У нас шесть собак.

— Генри, — продолжал Билль, — я не говорю, что они все собаки, но рыбу получили семеро.

Генри перестал жевать, взглянул через огонь и сосчитал собак.

— Там их только шесть теперь, — сказал он.

— Я видел, как одна убежала по снегу, — с холодной настойчивостью подтвердил Билль. — Я видел семь.

— Мне кажется, что наша поклажа начинает действовать на твои нервы, и тебе мерещится невесть что.

— Я думал об этом, — ответил Билль серьезно, — и когда я заметил, как она убегала, я посмотрел на снег и увидел следы. Тогда я сосчитал собак: их было шесть. Следы видны на снегу и теперь. Хочешь взглянуть на них? Я покажу их тебе.

Генри не отвечал, молча продолжая жевать, пока не кончил есть и не завершил ужин чашкою кофе.

— Так ты думаешь, это был...

Его прервал продолжительный, жалобный, яростно-печальный вой, донесшийся откуда-то из мрака. Он прислушался, затем докончил фразу, махнув рукою по направлению воя:

— ...один из них?

Билль утвердительно кивнул.

— Пусть я ослепну, если не так! Ты сам заметил, какую возню подняли собаки.

Вопли превращали пустыню в сумасшедший дом. Со всех сторон поднимался вой, и собаки в страхе жались кучей так близко к огню, что подпаливали себе шерсть.

Билль открыл было рот для продолжения разговора, но переменил свое намерение. Вместо этого он указал во мрак, со всех сторон стеною надвигавшийся на них. Ничего нельзя было различить в черной мгле, никаких форм или очертаний, только намечалась пара глаз, горящих, как уголья. Генри кивком головы указал на вторую пару глаз и на третью. Круг из блестящих глаз стягивался к их стоянке. То здесь, то там пара глаз двигалась, исчезала, чтобы секундою позже появиться снова.

Усилилось беспокойство собак, и в припадке внезапного страха они придвинулись почти вплотную к огню, ползая и пресмыкаясь у ног людей.

В свалке одна из собак была опрокинута в огонь; она завизжала от боли и страха, и запах опаленной шерсти распространился в воздухе. Возня заставила круг из глаз тревожно переменить место, даже несколько отступить, но он тотчас же,

как только успокоились собаки, оказался на прежнем расстоянии от стоянки.

— Генри, что за проклятая судьба остаться без зарядов!

Билль докурил трубку и помог товарищу разложить меховую постель и одеяло на сосновых сучьях, которые он набросал на снегу перед ужином. Генри, ворча, развязывал свои моккасины *).

— Сколько у тебя осталось зарядов? — спросил он.

— Три, — был ответ, — а мне бы нужно триста. Тогда я показал бы им, чорт бы их побрал!

Генри, ворча, сполз на постель. Когда он уже задремал, его разбудил голос товарища:

— Скажи, Генри, в то время, когда та, чужая, приходила за рыбой, почему собаки не набросились на нее? Вот что сбивает меня с толку.

— Ты слишком много сбиваешься с толку, Билль,— был сонный ответ. — Помолчи лучше, засни.

Они спали, тяжело дыша, под одним одеялом. Огонь погас, и круг блестящих глаз стягивался все ближе, все теснее. Собаки жались в страхе друг к другу и угрожающе рычали, как только пара глаз приближалась слишком близко. Раз они зарычали так громко, что Билль проснулся. Он осторожно, чтобы не разбудить товарища, встал с постели и подбросил сучьев в огонь. Когда пламя вспыхнуло, круг подался назад. Билль посмотрел на сбившихся в кучу собак. Он протер глаза и стал вглядываться пристальнее. Затем он снова залез под одеяло.

— Генри, — сказал он. — Генри!

Генри, проснувшись, что-то пробормотал, а потом спросил:

— Что еще стряслось?

— Ничего, — был ответ, — только их опять семь. Я сейчас сосчитал.

Генри принял это известие с ворчанием, перешедшим сейчас же в храпение — он снова погрузился в сон.

Утром первым проснулся Генри и поднял товарища с постели. Хотя было уже шесть часов, но рассвета можно было

*) Моккасины — род обуви из кожи-сырца, употребляемой туземцами Сев. Америки.

ожидать не раньше, как часа через три*). В темноте Генри занялся приготовлением завтрака, а Билль, свернув одеяло, стал запрягать в сани собак.

— Послушай, Генри, — сказал он вдруг, — сколько, ты говорил, у нас собак?

— А что, опять семь? — усмехнулся Генри.

— Нет, пять: одна исчезла.

— Проклятие! — вскричал взбешенный Генри, бросил стряпню и пересчитал собак. — Правда, Билль! Убежал Жирный!

ГЛАВА II

Волчица

Позавтракав и привязав к саням свои небольшие пожитки, путники пустились в путь сквозь мрак. И тотчас же поднялся прежний яростно-печальный вой, которым преследователи перекликались в темноте и холоде. Разговор смолк. В девять часов рассвело. В полдень небо на юге слегка зарумянилось и обозначило место, где выпуклость земли оказалась между полуденным солнцем и полунощным миром. Но розовое сияние скоро померкло. Серый свет держался до трех часов, а затем и он угас, и покров полярной ночи опустился на безмолвную страну.

Едва наступил мрак, как преследующий вой справа, слева, с тыла послышался еще ближе, временами настолько близко, что вызывал волнение между собаками, и они метались в панике.

После одного из таких припадков панического страха, когда Генри успокоил собак, Билль сказал:

— Хоть бы удалось этим чертям найти где-нибудь добычу; авось, убрались бы и оставили нас в покое!

— Да, ужасно расстраивают нервы! — согласился Генри. Больше они не обменялись ни одним словом, вплоть до новой стоянки.

Нагнувшийся над кипящим котлом с бобами, куда он подбрасывал лед, Генри был изумлен звуком удара и резким

*) Действие происходит на крайнем севере Америки, за полярным кругом, где в долгие зимние месяцы солнце не появляется на горизонте и короткий «день» представляет собой нечто в роде наших поздних сумерок.

визгом среди собак. Он выпрямился и увидел, как по снегу исчезала в темноте какая-то неясная фигура. Потом он разглядел Билля, стоявшего среди собак, с толстою дубинкою в одной руке и с хвостом копченого лосося в другой.

— Удалось вырвать только половину,—сообщил Билль,—но зато здорово хлопнул ее. Слышал, как завизжала?

— На что же она походила?

— Не мог рассмотреть. Но у ней четыре лапы, пасть и шерсть, как у собаки.

Утром поток ругательств, сыпавшихся изо рта Билля, разбудил Генри. Он приподнялся на локте и увидел товарища, с перекошенным от бешенства лицом, стоявшего у костра среди собак и размахивавшего в исступлении руками.

— В чем дело?

— Убежал Лягушонок!

Завтрак прошел невесело. Уцелевших собак запрягли в сани. День был повторением предыдущих. Люди с трудом пробирались в царстве мороза. Молчание нарушалось лишь воем преследователей, гнавшихся невидимо по их следам.

С наступлением ночи вой послышался вблизи. Преследователи держались своей обычной тактики. Собаки беспокоились, пугливо дрожали и временами метались в панике, которая заставляла сбиваться с дороги и угнетающе действовала на людей.

— Ну, теперь, глупые твари, уж не сбежите, — сказал с довольным видом Билль, когда закончил свою работу.

Генри оторвался от приготовления ужина и подошел посмотреть. Его спутник не только привязал собак, но прикрепил их, по индейскому способу, к палкам. Вокруг шеи каждой собаки он обвил кожаный ремень, а к ремню, настолько близко от шеи, чтобы собака не могла достать зубами, он привязал толстую палку длиною в четыре или пять футов. Другой конец палки был притянут к вбитому в землю колу. Собака не могла перегрызть ремень около шеи, палка же мешала ей добраться зубами до ремня на другом конце палки.

Некоторое время оба человека наблюдали движения неясных теней за чертою озаренного костром круга. Всматриваясь пристально в пару сверкающих глаз, удавалось разглядеть смутные формы животных. По временам можно было даже видеть их передвижения.

Визг собаки привлек внимание мужчин. Одноухий с резким визгом рвался по направлению к темноте, пытаясь все время схватить палку зубами.

— Смотри, Билль, — прошептал Генри.

Освещенное костром, боком прокрадывалось животное, похожее на собаку. Оно подвигалось с недоверчивостью, смешанною со смелостью, косясь на людей и все внимание обращая на собак. Одноухий вытянулся во всю длину палки и сильно выл.

— Это волчица, — шептал Генри, — и она погубила Жирного и Лягушонка. Она завлекает собак, а вся стая набрасывается и пожирает их.

Огонь затрещал. Головня откатилась с шумом. При этом звуке странное животное отпрянуло во мрак.

— Я думаю, Генри, что этого-то зверя я и попотчевал дубинкою.

— Вне всякого сомнения, — был ответ Генри.

— У старого Виллэна как-то собака сбежала с волками, — размышлял вслух Билль. — Я же и застрелил ее в стае волков, когда мы охотились за оленями у Литл-Стика. Старик Виллэн плакал тогда, как ребенок. Он не видел ее около трех лет, как он говорил. Все время она провела с волками.

— Ты близок к истине, Билль! Этот волк — собака, которая не раз ела рыбу из рук человека.

— А представься случай, я покончу с ней, будь она волк или собака. Мы не можем больше терять собак.

— Да, но у тебя всего три заряда, — возразил Генри.

— Постараюсь убить наповал, без промаха.

Поутру Генри разжег костер и готовил завтрак под аккомпанемент храпа товарища.

— Ты спал на славу, — сказал Генри, принимаясь с ним за еду. — Мне было жаль тебя будить.

Полусонный Билль ел вяло. Он заметил, что его чашка пуста, и потянулся к кофейнику. Но кофейник стоял подле Генри, и его нельзя было достать.

— Послушай, Генри, — сказал он кротко, — не забыл ли ты чего-нибудь?

Генри посмотрел очень внимательно вокруг себя и покачал головой. Билль поднял пустую чашку.

— Ты не получишь кофе, — об'явил Генри.

Краска гнева бросилась Биллю в лицо.

— Я был бы очень благодарен, если бы ты об'яснил мне...

— Крепыш исчез, — коротко ответил Генри.

Не торопясь, с видом полнейшей покорности к несчастью, Билль обернулся и, не сходя с места, пересчитал собак.

— Как это случилось? — спросил он равнодушно.

Генри пожал плечами.

— Не знаю. Если только Одноухий не перегрыз ему ремень. Сам он не мог, конечно, сделать это.

— Сегодня ночью я привяжу каждую собаку порознь. — сказал Билль, когда они тронулись в путь.

Через несколько минут Генри, который теперь шел за санями, издал тихий предупредительный свист.

Билль обернулся, посмотрел и спокойно остановил собак. Позади из-за последнего поворота и совершенно на виду, по их свежим следам рысью бежал косматый, увертливый зверь. Он нюхал след и бежал как-то особенно легко и скользя. Когда люди остановились, стал и он, подняв морду и пристально смотря на них, при чем его ноздри вздрагивали, словно он ловил и изучал людской запах.

— Волчица, — сказал Билль.

Собаки легли на снегу. Билль обошел их и приблизился к товарищу. Оба они рассматривали странное животное, которое преследовало их столько дней и истребило у них половину собачьей упряжки.

После внимательного, пытливого осмотра животное сделало два-три шага вперед. Оно повторило это несколько раз, пока расстояние не сократилось ярдов на сто. Тогда оно остановилось, с поднятою головою, нюхая воздух и наблюдая за людьми. Зверь смотрел на них странно-пристальным взглядом собаки, в котором, однако, не было и следа собачьей преданности, а была жадность голода, свирепая, как его клыки, беспощадная, как лютый мороз.

Зверь был велик для волка: по своему большому, худому телу он мог бы принадлежать разве только к крупнейшим представителям этого рода.

— Почти два с половиной фута в вышину, — определил Генри. — И, бьюсь о заклад, не меньше пяти футов длины.

— И совсем особенной масти! — добавил Билль. — Я никогда не видал таких красноватых волков, почти цвета корицы.

Зверь не был цвета корицы. Его шерсть была совершенно волчья. Преобладал серый цвет с красноватым оттенком, который, собственно, и сбивал с толку.

— Больше всего зверюга походит на большую косматую упряжную собаку, — сказал Билль. — Я не удивлюсь, если он завиляет хвостом.

— Эй! Как тебя, лохматый! — позвал он. — Поди-ка сюда.

— Не очень-то подманишь! — засмеялся Генри.

Билль угрожающе замахал руками и громко закричал, но животное не высказало страха. Оно только удвоило свою осторожность и продолжало смотреть на них с беспощадною, голодною жадностью. Они были пища, а зверь чувствовал голод, и он, если бы смел, прыгнул и пожрал бы их.

— Слушай, Генри, — раздумчиво сказал Билль, понижая голос до шопота, — у нас три заряда. Но надо наповал. Тварь истребила у нас трех собак, и мы должны это прекратить. Что ты скажешь?

Генри наклоном головы выразил согласие. Билль осторожно вытащил ружье из саней.

Ружье было уже на прицеле, но выстрелить не удалось, потому что в одно мгновенье волчица прыгнула в сторону, в группу сосен, и исчезла.

Генри выразительно посвистал.

— Я мог бы это предвидеть, — упрекнул себя вслух Билль, кладя на место ружье. — Конечно, волк, знающий время кормежки собак, должен хорошо знать и огнестрельное оружие. Эта тварь — причина всего нашего бедствия. Я застрелю ее из засады. Это так же верно, как то, что меня зовут Билль.

— Только не уходи для этого слишком далеко, — посоветовал спутник. — Если эта стая нападет на тебя, твои три заряда для них будут, как пробки. Звери чертовски голодны, и если они набросятся, то уж наверное с'едят тебя, Билль!

В эту ночь они рано сделали привал. Три собаки не могли, конечно, тащить сани ни так долго, ни так сильно, как это сделали бы шесть, и все они выказывали явные признаки утомления. Люди рано легли спать, и Билль улегся первый после того, как собак привязали ремнями отдельно друг от друга.

Волки стали смелее, и не раз поднимали людей от сна. Они приближались так близко, что собаки начинали беспо-

ваться от страха. Необходимо было разводить большой огонь, чтобы держать обнаглевших хищников на некотором расстоянии.

ГЛАВА III

Крик голода

День начался благоприятно. За ночь не было потеряно ни одной собаки, и путники бодро двинулись в безмолвие, мрак и холод. Билль даже отнесся шутливо к собакам, когда те опрокинули сани на трудном месте.

Сани перевернулись и застряли между стволом дерева и большим утесом. Билль и Генри были принуждены снять упряжь с собак, чтобы уладить путаницу. Наклонившись над санями, он старался поставить их прямо, когда Генри заметил, что Одноухий несколько отдалился.

— Сюда, ты, Одноухий! — крикнул он.

Но Одноухий бросился бежать, оставляя следы на снегу. А там, где оставались позади них колеи, выйдя из-за снеговых завалов, ждала его волчица. Пес приблизился к ней и вдруг насторожился, замедлил и уменьшил шаги, затем остановился. Он смотрел на нее внимательно и в недоуменьи, хотя и похотливо. Она же игриво сделала несколько прыжков и остановилась. Одноухий пошел за ней медленно и осторожно, подняв хвост и уши, держа кверху голову. Каждый шаг вперед с его стороны вызывал у нее соответственный шаг назад. Шаг за шагом она заманивала его, уводя от безопасности и общества людей. Раз как-будто неясное подозрение промелькнуло в его уме, он оглянулся и посмотрел назад на опрокинутые сани, на своих товарищей по упряжке и на людей, призывавших его. Но если такая мысль и зародилась у него в мозгу, она быстро была рассеяна волчицею, которая подбежала к нему на короткий миг, обнюхала его и возобновила свое жеманство.

Слишком поздно Одноухий заметил свою ошибку. Оба человека заметили, что пес повернул назад и пустился в бегство. Десять-двенадцать худых серых волков неслись по снегу под прямым углом к саням и наперерез Одноухому. Сразу окончились заигрывания и жеманство волчицы. С рычанием она прыгнула на Одноухого, но он сбросил ее плечом; видя, что отступление отрезано, и все еще пытаясь добраться до саней, он ускорял свой бег по окружности кольца. Но все больше и больше прибывало волков и все они мчались в погоне за псом.

— Куда?.. — вдруг закричал Генри товарищу, схватив его за плечо. Билль оттолкнул его руку.

— Я не могу допустить, чтобы у нас пропала еще одна собака! Я должен спасти ее.

Он бросился в кустарник, окаймлявший дорогу. Его намерение было ясно. С ружьем и среди бела дня, он надеялся напугать волков.

— Слушай, Билль! — крикнул ему вслед Генри. — Будь осторожен! Не рискуй!

Генри сел на сани и стал прислушиваться — больше ему ничего не оставалось делать. Он знал, что волки, Одноухий и Билль должны встретиться где-то на снегу, скрыться от его глаз деревьями и кустами. Все произошло гораздо быстрее, чем он ожидал. Он услышал выстрел, затем еще два быстро последовавших один за другим выстрела, и он понял, что все заряды у Билля вышли.

Послышались громкое рычание, лай и визг, и он узнал визг Одноухого, полный ужаса. Слышал он и волчий вой, говоривший, что какое-то животное ранено. Потом все смолкло Прекратилось рычание, замер вой. Во всей уединенной долине снова водворилась тишина.

Долго сидел Генри на санях; две оставшихся собаки жались к нему и дрожали у его ног. Наконец, он устало поднялся, словно вся гибкость покинула его тело, и стал привязывать собак к саням. Он перекинул веревку через плечо и потащил вместе с собаками сани. Но они шли недолго. При первом намеке на темноту он остановился и заготовил значительное количество топлива. Накормил собак, сварил что-то, поужинал и устроил себе подле костра постель.

Ему не удалось, однако, насладиться сном. Раньше чем он закрыл глаза, волки уже подошли очень близко и стали опасны. Они разместились вокруг костра, и Генри мог отчетливо видеть их при свете пылавших сучьев, лежащих, сидящих, ползающих на животе или снующих взад и вперед. Многие даже спали. Он видел их, свернувшихся, как собаки, в клубок и наслаждающихся сном; сам он теперь не смел задремать ни на минуту. Он поддерживал яркий огонь, потому что знал, что это одно препятствовало его телу попасть на голодные клыки волков. Его обе собаки держались подле него, тянулись к нему за защитой, выли или рычали и по временам отчаянно

визжали, когда какой-нибудь волк приближался ближе других.

Утро застало Генри угрюмым и осунувшимся, с безумными глазами от бессонницы. Он в темноте приготовил себе завтрак и в девять часов, когда со светом стая волков разбрелась, принялся за работу, которую обдумал в течение долгих часов ночи. Срубив молодые деревья, он устроил платформу и прикрепил ее ремнями высоко к стволам деревьев. Употребив ремни от саней, как под'емный канат, он втащил гроб на платформу.

После этого он пустился в путь, и собаки быстро потащили пустые сани, потому что они тоже понимали, что их спасение всецело зависит от прибытия в форт*) Мак-Горри. Волки совершенно открыто, с невозмутимым видом бежали рысью сзади и по бокам саней, с высунутыми красными языками, с резко выступающими ребрами. Они были настолько худы, что кожа висела на них мешками, а мускулы ослабли, как веревки, — и Генри считал чудом, что они еще держались на ногах и не падали в изнеможении в снег.

В полдень солнце не только окрасило горизонт, но даже выглянуло оттуда бледным золотым ободком. Генри принял это, как добрый признак. Дни удлинялись. Возвращалось солнце. Но едва померк весенний свет, он сделал остановку. Еще оставалось несколько часов серого дневного света и темнеющих сумерек, которыми он и воспользовался для того, чтобы нарубить огромный запас топлива.

Вместе с ночью пришел и ужас. Не только пугали остервенелые от голода и становившиеся все смелее волки, но и предыдущая ночь без сна сказалась на Генри. Он дремал, присев у огня, с одеялами на плечах, с топором между колен и с плотно жавшимися к нему собаками по бокам. Раз он проснулся и увидел перед собою футах в двенадцати огромного серого волка, одного из самых больших в стае. И даже когда Генри смотрел, зверь осторожно потягивался, точно ленивая собака, зевая ему прямо в лицо и посматривая на него, как на свою собственность. Человек был едой, которую он непременно с'ест в недалеком будущем.

Генри бросил боязливый взгляд на кольцо из волков, выжидательно расположившихся вокруг него, и вдруг его прони-

*) Форт — населенный пункт, почтовая станция.

вало сознание, что его тело не что иное, как мясо, пища, добыча прожорливых зверей, которые разорвут и раздерут его своими клыками.

Он пробудился от дремоты, которая была наполовину бредом, и увидел перед собою рыжую волчицу. Она сидела на снегу не дальше, как в шести шагах, и нетерпеливо смотрела на него.

В ней не было ничего угрожающего. Она глядела скорее с большою внимательностью, которая, он знал, только указывала на большой голод. Он был пища, и вид его возбуждал в ней лишь вкусовые ощущения.

Безумный страх овладел Генри. Он быстро протянул руку за головней, чтобы бросить ее в зверя. Но прежде чем он успел схватить головню, волчица прыгнула назад в безопасное место. Отпрыгнув, она зарычала и оскалила до корней белые клыки, и ее пристальный взгляд выразил такую кровожадную злобу, что он весь затрепетал.

Всю ночь отбивался он горящими головнями от голодной стаи. И когда он невольно поддавался дремоте, визг и рычание собак будили его. Настало утро, но в первый раз свет дня не разогнал волков. Тщетно ждал человек, чтобы они ушли. Волки тесным кольцом расселись вокруг огня с дерзостью, от которой он весь содрогнулся.

Он сделал отчаянную попытку отправиться в путь, но едва он вышел из-под защиты огня, как самый смелый волк бросился на него, не рассчитавши, однако, прыжка. Генри отпрянул назад и этим спас себя: челюсти зверя щелкнули не дальше, как в шести дюймах от его бедра. Тут уже вся стая ринулась к нему, и он удерживал их на почтительном расстоянии, бросая горящие ветви.

Даже днем не смел он оставить костер для того, чтобы нарубить свежих дров. Огромная засохшая сосна возвышалась в двадцати шагах от него. И он потратил полдня на то, чтобы протянуть свой костер до этого дерева, ежеминутно кидая горящий хворост в своих врагов. Добравшись до дерева, он осмотрел местность, чтобы свалить дерево к тому месту, где было всего удобнее достать топливо.

На другую ночь, чтобы не задремать, он привязал горящую сосновую ветвь к правой руке. Едва закрывались на минуту его глаза, как боль от ожога будила его. Всякий раз, как

он просыпался, он отгонял волков головнями, усиливая огонь и прикрепляя снова ветку к руке. Все шло хорошо, но раз он привязал ее плохо, заснул, и ветка выпала из руки. Ему грезилось, что он пришел в форт Мак-Горри. Было тепло и уютно, и он играл с фактором*) в криббэдж**). Но ему казалось еще, что форт осаждают волки, которые воют у самых ворот, и что по временам он и фактор отрываются от игры, чтобы послушать вой и посмеяться над напрасными усилиями зверей ворваться в форт. И вдруг—страшный сон!—послышался треск. Дверь распахнулась, и огромное количество волков ворвалось в казармы форта.

Генри проснулся и услышал вблизи вой, грызню и рычание. Волки кинулись к нему, окружили и набросились на него. Зубы одного впились в его руку. Инстинктивно он прыгнул в костер и в тот же миг почувствовал острую боль в ноге от прокусивших мясо зубов. Началась борьба огнем. Его толстые рукавицы временно защищали руки, он разбрасывал горячие уголья во все стороны, и скоро костер стал походить на вулкан.

Но это не могло продолжаться долго. Он обжег себе до пузырей лицо, опалил брови и ресницы, и стало нестерпимо горячо ногам. С пылающими головнями в каждой руке он прыгнул на край костра. Волки отступили. Расшвыряв головни в ближайших врагов, он сбросил в снег дымящиеся рукавицы и стал топтаться в снегу, чтобы охладить ноги. Обе собаки исчезли.

Новая идея пришла ему в голову, и он принялся за ее исполнение. Он разложил костер большим кольцом вокруг себя и растянулся внутри на тающем снегу на одеяле. Когда таким образом он исчез за стеною пламени, вся стая волков с любопытством окружила костер, чтобы узнать, что с ним случилось. Они расселись у огня тесным кольцом, как собаки, моргая, зевая и потягиваясь тощими телами в непривычном тепле. Вдруг волчица, подняв голову и уставившись на звезды, завыла. Один за другим стали подтягивать ей прочие волки, и, наконец, вся стая, сев на задние лапы и подняв носы к небу, принялись оглашать воздух голодным воем.

---

*) Фактор— агент торговой фирмы.

**) Криббэдж — карточная игра.

Рассвело. Костер догорал. Топливо кончалось, и надо было возобновить запас его. Генри сделал попытку выйти из своего огненного круга, но волки поднялись ему навстречу. Теперь головни заставляли их отпрыгивать только немного в сторону, но назад они уже не отбегали, как он ни силился прогнать их. Когда же он, потеряв всякую надежду, перестал это делать, какой-то волк прыгнул на него, но промахнулся и попал всеми четырьмя лапами на горячие угольяв. Волк завыл от страха и пополз обратно с обожженными лапами.

Человек же сидел, согнувшись, на одеяле. По опущенным бессильно плечам, по наклоненной покорно голове видно было, что он отказался от борьбы. Порою он поднимал голову и смотрел тупо на догоравший костер. Круг пламени и горящих углей был уже кое-где прорван. Свободные от огня места в нем все расширялись, а пламя уменьшалось.

— Что ж, можете теперь меня слопать, — бормотал он, — во всяком случае, я засну... Я не могу больше..

Раз он проснулся и в свободном проходе, прямо перед собой, увидел волчицу, не сводившую с него глаз. Минутою позже, хотя эта минута показалась ему в полудремоте часами, он снова пришел в себя. Таинственная перемена произошла за это время, настолько таинственная, что он даже совсем очнулся. Что-то случилось. Но что? Он не мог сначала понять. Волки исчезли. Оставались только на утоптанном снегу их следы, показывавшие, как близко они подходили к нему.

Сон снова начал одолевать его. Голова склонилась на колени... как вдруг он вздрогнул и прислушался. Где-то вдалеке послышались голоса людей, скрип саней и взвизгивание запряженных собак. Четверо саней тянулись между деревьями от реки к его стоянке. Группа людей окружила человека, ползавшего в центре угасающего огня. Они трясли и теребили его с целью привести в себя, но он смотрел на них, как пьяный, и сонно бормотал странным голосом:

— Рыжая волчица... приходила к собакам во время кормежки... Сначала ела собачий корм... Потом собак... Потом Билля.

— Где же Альфред? — кричал ему в ухо один из прибывших, грубо тряся его.

Тот медленно покачал головою.

— Нет, его она не с'ела... он на дереве, где была последняя стоянка.

— Мертвый? — вскричал первый.

— Да, и в ящике, — ответил Генри.

Он сердито высвободил плечо.

— Убирайтесь!.. Я спать хочу.

Его глаза закрылись, подбородок упал на грудь. И как только его положили на одеяло, в морозном воздухе раздалось его храпение.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I

Борьба клыков

Волчица первая уловила звуки человеческих голосов и повизгивание собак, запряженных в сани, и она же первая отбежала от человека, находящегося в безвыходном положении в кольце из погасающего пламени. Стая вовсе не была расположена отказываться от затравленной добычи, и несколько минут волки медлили, прислушиваясь к новым звукам, но скоро и они мчались вслед за убегавшей волчицей.

Впереди стаи бежал большой серый волк, один из ее вожаков. Он-то и направил стаю по пятам волчицы, ворча угрожающе на молодых и даже кусая их, когда те самолюбиво пытались обогнать его. Он же ускорил бег, когда завидел волчицу, бежавшую рысью по снегу.

Она допустила его бежать рядом, как будто это было их обычное положение, и побежала вместе со стаей. Волк не огрызался на нее, не скалил зубов, если ей удавалось опередить его. Напротив, он казался благосклонно расположенным к ней, настолько благосклонно, что это ей не нравилось, и она ворчала и обнажала клыки, если он пытался бежать слишком близко от нее. Она даже при случае кусала его в плечо. Но и тогда он не выказывал гнева. Он только отбегал в сторону и несколькими неловкими прыжками опережал ее, напоминая своим видом и поведением смущенного деревенского парня.

С другого боку бежал тощий, старый седой волк, отмеченный рубцами многих битв. Он всегда бежал по правую сторону от волчицы. Это об'яснялось тем, что он был кривой на правый глаз. У него тоже было стремление прижиматься к ней, и его морда, покрытая рубцами, дотрагивалась до ее бока, плеча или шеи. Как и от бегущего слева самца, она встречала эти знаки внимания лязганьем зубов.

После каждого отпора, когда старый волк быстро увертывался от острых зубов волчицы, он сталкивался плечом с молодым трехлетком, который бежал со стороны его слепого глаза. Этот молодой волк достиг своего полного роста и обладал более чем среднею силой и пылом. Тем не менее он бежал, отставая от одноглазого волка. Если же он пытался бежать с ним бок-о-бок, то ему доставались от старого волка укусы и рычание. Временами, однако, он осторожно втирался между старым вожаком и волчицей. И за это ему доставалось вдвойне и даже втройне.

Много миль пробежали волки за этот день. Они бежали и ночью. Следующий день застал их бегущими по замерзшей мертвой земле. Нигде ни признака жизни. Они одни неутомимо искали других живых тварей, чтобы пожрать их и тем продолжить свою жизнь.

Много долин, холмов и низин пришлось им пересечь, прежде чем их поиски увенчались успехом. Первою их жертвою был крупный самец-олень. Борьба произошла короткая, но жестокая. На оленя напали со всех сторон. Он бодал их, разбивал им черепа сильными ударами копыт, поднимал их на рога и топтал их в снегу. Но сила была не на его стороне, и он, наконец, свалился. Волчица свирепо впилась в его горло, а зубы других волков вонзились в упавшее тело и стали рвать его, когда он был еще жив и продолжал бороться.

Пищи оказалось вдоволь. Олень весил более восьмисот фунтов, и на каждый рот досталось по двадцати фунтов мяса; в стае было около сорока волков. Вскоре от великолепного, полного сил животного остались лишь разбросанные там и сям обглоданные кости.

Набив желудки, молодые самцы завели ссоры и драки между собою, эти ссоры продолжались до тех пор, пока стая не расселась. Голод на время кончился. Волки прибежали в страну, богатую дичью, и хотя они все еще охотились стаей, они делали это с большою осторожностью, отбивая от небольших оленьих стад лишь беременных самок и увечных самцов.

Волчья стая распадалась. Волки разбегались парами самец с самкою, наконец, осталось только четверо — волчица, молодой вожак, одноглазый старик и самонадеянный трехлеток.

Волчица стала очень свирепа. Все три самца носили следы ее зубов, но сами они никогда не отвечали ей тем же и никогда не защищались. Они лишь повертывали к ней плечи для наиболее жестоких укусов и, виляя хвостом и семеня ногами, пытались умиротворить ее гнев. Но если по отношению к ней они были воплощенною кротостью, то друг к другу проявляли крайнюю свирепость. Трехлетний волк сделался чрезвычайно отважным в своей ярости. Он бросился на кривого с той стороны, где у того не было глаза, и разорвал ему ухо в клочки.

Драка началась честно, но кончилась не честно. Нельзя сказать, какой она имела бы исход, если бы третий волк не присоединился к старику и если бы они вдвоем не напали на самонадеянного трехлетка, которого им и удалось прикончить. Клыки его прежних товарищей раздирали его с обеих сторон.

А волчица, виновница борьбы, сидела в сторонке и спокойно наблюдала. Это был ее день. Это случалось не часто, когда шерсть у самцов поднималась щетиною, клыки ударялись о клыки, резали и разрывали податливую кожу. И трехлеток, который впервые испытал такое приключение, отдал жизнь за любовь.

По обеим сторонам его тела стояли противники. Они не сводили жадных глаз с волчицы, улыбавшейся им на снегу. Но старый предводитель стаи был опытен, очень опытен, как в делах любви, так и в делах битвы. Чтобы зализать рану на плече, молодой вожак повернул голову загривком к сопернику. Своим единственным глазом старик определил благоприятный случай. Стрелою он предательски кинулся на противника и вцепился клыками в его горло. Получилась длинная, глубокая рваная рана. Его зубы прокусили в горле большую вену. Одноглазый отскочил в сторону.

Молодой вожак страшно зарычал, но его рычание перешло постепенно в судорожный кашель. Истекая кровью и кашляя, уже пораженный на смерть, он прыгнул на старика и боролся, пока жизнь не погасла в нем; его ноги подкосились, глаза затуманились, и последний прыжок был короток.

Когда молодой вожак лежал неподвижно на снегу, Одноглазый гордо направился к волчице. Его обхождение с нею было смесью торжества и осторожности. Он прямодушно ждал

сопротивления с ее стороны и так же откровенно выразил удивление, когда она не оскалила на него в гневе зубов. Первый раз она встретила его ласково. Она обнюхала его морду и даже снизошла до прыжков вокруг него, до игры с ним, совсем как щенок.

И он, несмотря на почтенный возраст, вел себя так же игриво и даже еще более глупо. Одноглазый бежал за волчицей, которая манила его в лес.

Они бежали друг подле друга, как добрые друзья, пришедшие к взаимному соглашению. Дни проходили, и они жили вместе, охотясь и деля добычу. Но некоторое время спустя волчица сделалась беспокойной. Она, казалось, пыталась разыскать что-то и не могла найти. Ее внимание привлекали впадины под деревьями, и она проводила много времени, обнюхивая расселины утесов, наполненные до краев снегом, и береговые пещеры.

ГЛАВА II

Логовище

Наконец, волчица нашла то, что искала с таким упорством, в нескольких милях вверх по течению потока, который летом вливался в Мэккензи *), а теперь промерз до дна и представлял плотную белую массу. Волчица тяжело тащилась сзади своего товарища, отстав на значительное расстояние, и пришла на обрывистый высокий глинистый берег. Здесь она свернула в сторону. Весенние ливни и тающие снега подмыли берег, и в одном месте образовалась небольшая пещера.

Волчица остановилась у входа в пещеру и внимательно осмотрела скат берега. Затем она побежала то в одну, то в другую сторону вдоль берега, пока не нашла места, где обрывистый берег значительно понижался. Вернувшись к пещере, она вползла в нее. Ей пришлось проползти около трех футов, затем стены пещеры расширились и стали выше. Головою волчица почти касалась потолка, но в пещере было сухо и уютно. Она тщательно обследовала ее. Одноглазый стоял у входа и терпеливо наблюдал за самкой. Опустив голову, она нюхала землю, затем покружилась вокруг намеченной точки несколько раз и улеглась с усталым вздохом головою к отверстию. Заинтересованный Одноглазый посмеивался над ее проделками, и волчице было видно, как он, загораживая

*) Мэккензи — река в Северной Америке.

собою свет, добродушно помахивал у входа хвостом. Она прижала уши, раскрыла пасть и высунула язык, всем своим видом выражая удовольствие и удовлетворение.

Одноглазому сильно хотелось есть. Он заснул у входа в пещеру, но сон его был тревожен. Он часто просыпался и прислушивался к окружающему миру, где снег ярко сверкал под лучами апрельского солнца. Сквозь дремоту он различал слабое журчание скрытых ручейков. Жизнь возрождалась. Чувствовалось дыхание весны, дыхание пробуждающейся из-под снега природы, поднимающихся в деревьях соков, почек, разрывающих оковы мороза.

Одноглазый бросал беспокойные взгляды на свою подругу, но та не выказывала ни малейшего желания уйти из своего логовища. Он подполз к волчице с целью убедить ее подняться, но она зарычала на него, и он отправился один. От ярких лучей снег сделался рыхлым, и бежать по нему стало труднее. Одноглазый пошел по замерзшему ложу потока, где в тени деревьев снег был еще тверд. Проблуждав часов восемь, он вернулся в сумерках к волчице еще более голодный, чем раньше. Он не раз видел дичь, но не мог поймать ее, проваливаясь в тающем снегу, в то время как кролики легко скользили по нему.

У отверстия пещеры Одноглазый остановился в беспокойстве: оттуда доносились слабые странные звуки, как-будто несколько знакомые ему, но непохожие на голос волчицы. Он пополз осторожно внутрь, но был встречен угрожающим ворчанием волчицы. Он не особенно смутился, однако, не решился ползти дальше, хотя новые звуки все еще интересовали его, слабые, похожие на заглушенное всхлипывание.

Волчица опять беспокойно заворчала, и он свернувшись заснул у входа в пещеру. Когда настало утро и тусклый свет проник в логовище, он опять захотел узнать причину смутно-знакомых звуков. Теперь в ворчании волчицы была какая-то новая нота ревности, и ему пришлось держаться на почтительном расстоянии от нее. Тем не менее ему удалось разглядеть под ее протянутыми лапами пять странных маленьких живых комков, слабых, беззащитных, слепых и издающих тихие жалобные звуки. Он был удивлен. Хотя не первый раз случалось это в его долгой, богатой событиями жизни, но всякий раз он удивлялся.

Его подруга смотрела на него с беспокойством, ворчала, а временами, когда ей казалось, что он приближался слишком близко, ее ворчание переходило в грозное рычание. Ее собственный опыт не приводил ей на память случаев, когда волки-самцы пожирают свое беззащитное потомство, но ее инстинкт, этот опыт всех матерей-волчиц, говорил ей, что такие вещи случаются. И боязнь заставляла ее не подпускать Одноглазого к детенышам.

Впрочем, опасности не было. Одноглазый также чувствовал в себе волю инстинкта, перешедшего к нему от отцов-волков. В силу этого внутреннего приказания он повернулся хвостом ко вновь рожденному потомству и отправился за пищею для него.

Пройдя полмили. он уловил ухом, как чьи-то зубы гложут дерево. Он неслышно подкрался и увидел дикобраза, стоящего у дерева и грызущего кору. Одноглазый приближался осторожно, но без особой надежды.

Дикобраз свернулся в клубок, направив во все стороны длинные острые иглы, и нападение на него представлялось теперь делом немыслимым. В дни молодости Одноглазый попробовал обнюхивать однажды такой же совершенно безобидный по виду клубок из игл и внезапно получил удар хвостом в морду. Одна игла застряла и оставалась в морде несколько недель, вызывая жгучую боль, пока не вышла вместе с гноем. Поэтому Одноглазый лег и, свернувшись в удобном положении и держа нос на приличном расстоянии от хвоста дикобраза, притаился и выжидал совершенно спокойно. Как знать? А вдруг дикобраз развернется, и тогда ловким ударом можно распороть нежное, не покрытое иглами тело. Но через полчаса Одноглазый поднялся, злобно зарычал на неподвижный клубок и потрусил дальше.

Проснувшийся инстинкт отцовства сильно овладел им. Он должен найти пищу. К вечеру Одноглазый наткнулся на глухаря. Он вылез из чащи и очутился лицом к лицу с глупою птицею. Она сидела на пне, не дальше шага от его носа. Оба увидели друг друга. Птица хотела взлететь, но он ударом лапы швырнул ее на землю, устремился на нее и поймал зубами, когда она убегала по снегу, пытаясь подняться на воздух. Как только его зубы вонзились в ее нежное тело и

хрупкие кости, он начал есть птицу, но тут же что-то вспомнил и отправился домой, неся птицу в зубах.

Уже пробежав с милю своей бархатисто-мягкой проворной побежкой, он наткнулся на отпечаток лап, большие следы которых он открыл ранним утром. Он только-что высунул голову за угол утеса, откуда начинался спуск к потоку, как его быстрые глаза заприметили нечто, заставившее его проворно отползти назад. Это был тот, кто оставлял большие следы — огромная рысь-самка.

Она лежала там же, где раньше лежал и он, — перед свернутым в плотный клубок дикобразом. И если Одноглазый был раньше крадущеюся тенью, то теперь он сделался призраком этой тени, до того он весь припал к земле и пополз, описывая круги с подветреной стороны к молчаливой и неподвижной группе из двух зверей.

Он залег в снег, положив глухаря подле себя, и сквозь иглы низко растущей сосны внимательно наблюдал за выжидающей рысью и за выжидающим дикобразом.

Прошло полчаса, прошел час, и ничего не случилось. Клубок из игл как бы окаменел, рысь казалась мраморным изваянием. Но вот Одноглазый слегка задвигался и стал всматриваться с возрастающею зоркостью. Что-то случилось. Дикобраз, наконец, решил, что его враг ушел. Медленно, медленно ощетинившись иглами, клубок расправлялся и растягивался. Не успел еще дикобраз вполне развернуться, как заметил врага. В это мгновение рысь ударила его. Удар был быстр, как молния. Лапа с острыми когтями скользнула под нежным животом и разодрала его. Если бы дикобраз развернулся вполне или если бы он не заметил врага за секунду до удара, лапа выскользнула бы без повреждения, но боковой удар хвоста успел вонзить свои иглы в лапу в то время, как она отдергивалась.

Рысь потеряла голову. Она дико прыгнула на предмет, причинивший ей боль. Но дикобраз, визжа и хрюкая, с разодранными внутренностями, старался свернуться в свой защитный клубок и снова ударил ее хвостом, и снова большая кошка завыла от боли и изумления. Она стала отступать, фыркая и чихая; ее нос был утыкан иглами, как подушка для булавок. Она терла нос лапою, пытаясь сбросить жгучие, как огонь, занозы, совала его в снег, терла о ветки, и от

безумной боли и страха непрерывно прыгала взад и вперед, направо, налево.

Одноглазый наблюдал. Шерсть его поднялась на спине дыбом, когда рысь вдруг привскочила высоко в воздух и испустила долгий, мучительный вой. Затем она помчалась, завывая и подняв кверху хвост. Но раньше, чем смолк вдали ее визг, Одноглазый осмелился выйти из засады. Он шел так осторожно, как-будто под ним был не снег, а ковер из игл дикобраза, готовых пронзить его мягкие лапы. Дикобраз встретил его, яростно визжа и оскаливая длинные зубы. И хотя ему удалось опять свернуться, но это был уже не прежний плотный клубок, потому что его мускулы были порваны, он был почти наполовину разодран и истекал кровью.

Мало-по-малу иглы дикобраза опускались ниже и ниже, а тело дрожало мелкой дрожью. Затем дрожь внезапно прекратилась, и послышался скрежет длинных зубов. Иглы опустились, тело развернулось и больше не двигалось.

Нервно и боязливо Одноглазый растянул лапою дикобраза во всю длину и повернул на спину. Ничего не произошло: дикобраз был мертв. После внимательного осмотра Одноглазый с большими предосторожностями взял его в зубы и, отчасти неся, отчасти волоча по земле, побежал к потоку, отвернув в сторону голову, чтобы не уколоться об иглы. Вдруг, вспомнив что-то, он бросил ношу и помчался обратно к месту, где оставил глухаря. Теперь он ни минуты не колебался. Он знал, что надо сделать, и он это сделал, — он быстро с'ел птицу. Затем вернулся и поднял свою ношу.

Когда он втащил свою добычу в пещеру, волчица осмотрела ее, повернула к нему морду и слегка лизнула его в шею. Но уже в следующий момент она зарычала, отгоняя его от волчат. На этот раз ее ворчание не было так сурово, как прежде, а скорее выражало извинение, чем угрозу. Ее инстинктивный страх перед отцом ее потомства прошел. Одноглазый вел себя, как подобает волку-отцу, и не выказывал преступного желания пожрать маленьких существ, произведенных ею на свет.

ГЛАВА III

Серый волченок

Он не походил на своих братьев и сестер. Шерсть тех уже принимала красноватый оттенок, унаследованный ими от

матери-волчицы; он же был единственный, похожий цветом шерсти на отца. Он родился настоящим, заправским волком.

Глаза серого волченка долго не открывались, но зато потом он видел ими чрезвычайно зорко. А в то время, когда глаза были еще закрыты, он уже пользовался другими своими чувствами — осязанием, вкусом, обонянием. Он хорошо знал своих двух братьев и двух сестер. С ними он уже поднимал слабую, неуклюжую возню, иногда кончавшуюся дракою, при чем его маленькое горло, как только он начинал злиться, издавало забавные хриплые звуки. Задолго до того, как открылись его глаза, он прикосновением, вкусом и обонянием научился узнавать свою мать, источник теплоты, жидкой пищи и нежности. Когда она мягким, ласкающим языком проводила по маленькому, нежному телу волченка, это нежило его, заставляло тесно прижиматься к ней и усыпляло его.

Больше первого месяца своей жизни он провел в таком сне, но теперь он видел совсем хорошо, подолгу не спал и отлично изучил свой мир. Мир его был мрачен, но он не знал этого, так как не видел иного. Мир был полутемен, но глаза его не были приноровлены к другому свету; мир был тесен и ограничивался стенами логовища, но волченок не имел никакого понятия о широком внешнем мире, и его не удручала теснота пещеры.

Впрочем, он скоро открыл, что одна из стен его мира не походила на другие. Там был вход в пещеру, через который шел свет. И он сделал это открытие еще задолго до того, как у него явилась первая мысль, первое сознательное желание. Прежде чем открылись у него глаза, свет уже неотразимо притягивал его.

Волчата постоянно ползали по направлению к свету, и матери приходилось оттаскивать их назад. В своих настойчивых попытках уползать от нее по направлению к свету волченок узнал, что у матери есть морда, которая резким толчком может отбросить его назад, есть лапа, которая может придавливать к земле и перекатывать быстрыми и последовательными ударами в темный угол пещеры. Он узнал боль и научился избегать ее, во-первых, не рискуя навлекать на себя наказание, а во-вторых, увертываясь от ударов и отползая.

Он был злой волченок, и таким же были его братья и сестры. Но из всего выводка он мог рычать громче и злее прочих, а его детская ярость казалась внушительнее, чем у других волчат. Он первый научился опрокидывать лапою братьев и сестер и первый же схватил зубами за ухо другого волченка и оттрепал его, рыча сквозь крепко стиснутые челюсти.

Как и большая часть обитателей пустыни, он рано испытал голод. Наступили дни, когда не только прикончился запас мяса, но не было и молока в сосцах матери. Спачала волчата стонали и визжали, потом большею частью спали, а затем впали в оцепенение. Уже не было ни возни, ни шлепков, ни рычания; вместе с тем прекратились и попытки добраться до белой стены. Волчата спали, их жизнь угасала, они умирали.

Одноглазый рыскал по пустыне, мало спал, сделался мрачен и печален. Волчица также оставляла выводок и уходила на добычу.

Когда серый волченок вернулся к жизни и опять проявил интерес к дальней белой стене, он нашел население своего мира сильно сократившимся. Осталась только сестра. Остальные пропали. Окрепнув, он нашел себя вынужденным играть в одиночестве, так как сестра не поднимала более головы и не двигалась. Его маленькое тело округлялось от мяса, которое он ел, но для его сестры пища пришла слишком поздно. Она спала без просыпу, кожа на ее костях обвисла складками, искра жизни мерцала слабее и слабее и наконец погасла.

Пришло время, когда серый волченок уже не видел больше, как отец появляется и исчезает в стене из света, как лежит спящей у входа. Случилось это в конце второй менее жестокой голодовки. Волчица знала, почему Одноглазый никогда уже не вернется, но не могла рассказать серому волченку о том, что она видела. Охотясь за мясом на левом притоке реки, где жила рысь, она раз пошла по старому следу Одноглазого и нашла его самого или, вернее, то, что осталось от него. Там виднелось много признаков происшедшей битвы и возвращения рыси в свое логовище после одержанной победы. Прежде чем уйти обратно, волчица нашла это логовище, но некоторые признаки указывали на то, что рысь была в нем, и волчица не рискнула туда войти.

После этого она избегала охотиться на левом притоке: она знала, что в логовище рыси был выводок, и что сама рысь — сварливое, свирепое созданье и страшный противник. Хорошо, конечно, полдюжине волков загонять израненную, ощетинившуюся рысь на дерево, но совсем иное дело для волчицы схватиться с рысью один на один, особенно, когда знаешь, что у рыси в логовище выводок голодных детенышей.

ГЛАВА IV

Стена мира

Во время своей короткой жизни в пещере волченку ни разу не представлялось случая чего-нибудь испугаться. И все же страх был ему присущ, перейдя к нему от отдаленных предков. Страх! Ни одно животное не может избежать этого наследства пустыни, не может отделаться от него.

Серый волчонок знал страх, но не понимал его сущности. Повинуясь тому неведомому безымянному закону, который ощущался им как страх, он не подходил к выходу из пещеры. Но белая, светлая стена привлекала его внимание.

Мать и страх заставляли держаться вдали от белой стены. Но волченок рос. И нельзя было задержать прилива жизни, поднимавшегося в нем с каждым проглоченным куском, с каждым его дыханием. Напор жизни восторжествовал над страхом и послушанием, и волченок, распластавшись по земле, пополз к выходу.

Непохожая на другие стены, с которыми он уже ознакомился, эта стена, казалось, отступала от него по мере того, как он выдвигался вперед.

Это сбивало с толку. Свет становился все ярче. Внезапно он очутился у входа в пещеру, и стена, внутри которой, как ему казалось, он находился, вдруг отпрыгнула от него на неизмеримое расстояние. Свет сделался мучительно ярким и ослепил его глаза, а внезапно раздвинувшееся огромное пространство ошеломило его.

На волченка напал страх — все было страшное и неизвестное. Он прилег на краю пещеры и пристально смотрел на открывшийся мир. Так как все это было неизвестно, то казалось враждебным. Шерсть вдоль всей его спины встала дыбом, и рычание готовилось вырваться из его пасти. Бессильный и испуганный, он бросил вызов всему миру.

Но ничего не произошло. Страх уступил место любопытству. Волченок начал различать близкие предметы, открытую часть ручья, сверкавшего на солнце, засохшую сосну, которая стояла у основания откоса, поднимавшегося прямо к нему и оканчивавшегося в двух шагах ниже края пещеры, куда он приполз.

До сих пор серый волченок жил на ровной поверхности. Он еще не испытывал боли от падения, да и не знал, что такое падение. Поэтому он смело шагнул в воздух. Его задние ноги остались на краю пещеры, и он упал головою вниз. Земля встретила его жестоким ударом по носу, затем он покатился по откосу все быстрее и быстрее. Панический ужас овладел им. Неизвестное наконец захватило его в свою власть и готовилось сделать с ним что-то страшное. Рост был побежден страхом, и волченок визжал, как перепуганный щенок.

Но склон становился более отлогим, и у его подножия росла трава. Скорость падения уменьшилась, и наконец волченок перестал катиться вниз. Он издал последний судорожный визг, перешедший в продолжительный жалобный плач. А затем, как будто дело бывалое, как-будто ему уже тысячу раз приходилось это делать, он принялся слизывать запачкавшую его сухую глину.

После этого он сел и начал осматриваться так внимательно, как сделал бы это человек, очутившийся впервые на Марсе *).

Волченок очутился в роли исследователя совершенно нового мира.

Теперь, когда страшное неизвестное освободило его, он позабыл о всех ужасах. Он чувствовал лишь крайнее любопытство ко всему, что его окружало. Он осмотрел траву под собою, бруснику, растущую немного дальше, ствол засохшей сосны. Белка, шнырявшая вокруг ствола, подбежала вплотную к нему и страшно напугала его. Он прижался к земле и зарычал. Но

---

*) Марс — огромный шар, несколько меньший, чем наша земля, и так же, как наша земля, вращающийся вокруг солнца. Есть предположения, что на Марсе, как и на земле, существует жизнь и есть разумные существа, подобные земному человеку. Некоторые ученые уже и теперь строят планы, пока еще кажущиеся маловероятными, о полете на Марс на особого типа летательных аппаратах, построенных наподобие ракет.

и сама белка перепугалась. Она быстро взобралась на вершину дерева и оттуда сердито запищала на него.

Это придало волченку мужество, и хотя зеленый дятел, следующий встречный, снова перепугал его, он тем не менее решительно отправился в путь.

Самоуверенность его настолько возросла, что когда еще какая-то птица нагло подпрыгнула к нему, волченок игриво протянул вперед лапу, результатом чего был сильный удар клювом в кончик его носа, вызвавший визг. Шум, произведенный им, заставил дерзкую птицу обратиться в бегство.

Волченок учился. Его темный ум уже сделал бессознательный вывод, что есть предметы живые и неживые. К предметам живым надо относиться осторожно. Неживые предметы всегда остаются на одном месте, а живые двигаются, и от них надо ждать всяких неожиданностей.

Он двигался очень неуклюже, натыкаясь на сучья и разные предметы. Ветка, которую он считал находящейся на далеком расстоянии от себя, в следующий момент била его по носу или обдирала бока. Поверхность была неровная, и он часто спотыкался, тыкаясь носом; ноги подгибались и цеплялись за корни. Попадались камни, которые переворачивались, когда он наступал на них. Оказалось, что маленькие неживые предметы более способны падать и перевертываться, чем большие. Но каждый неприятный случай поучал его. Чем дальше он шел, тем шел лучше. Он приноравливался, учился рассчитывать свои движения, определять предел своих сил и измерять пространство между предметами, между ними и собой.

Для начала ему повезло. Случайно ему посчастливилось напасть на искусно скрытое гнездо глухаря. Он свалился на него. Он попробовал пройти по стволу упавшей сосны; гнилая кора не выдержала его тяжести, и с отчаянным визгом он сорвался со ствола, пролетел сквозь листву и ветки небольшого куста и очутился между семью цыплятами глухаря.

Они подняли шум и сначала испугали его. Затем он рассмотрел, что они очень малы, и стал смелее. Они двигались. Он наступил на одного лапою, и тот задвигался быстрее, чем доставил волченку удовольствие. Волченок обнюхал его и взял в рот. Птенец барахтался и щекотал ему язык; волченок почувствовал голод. Его челюсти сомкнулись. Послышался треск хрупких костей, и теплая кровь закапала из пасти. Было

вкусно. Он понял, что это такое же мясо, какое давала ему мать. Таким образом он сожрал весь выводок. Потом облизнулся точно так же, как это делала его мать, и начал выбираться из куста.

Но тут на него налетел крылатый вихрь, и он был приведен в замешательство, ослепленный стремительным натиском и яростными ударами крыльев. Он спрятал голову между лапами и завизжал. Удары усилились. Самка-глухарь была полна ярости. Но разозлился и волченок. Он поднялся, рыча и отбиваясь лапами, запустил свои крошечные зубы в крыло птицы и решительно тащил и дергал его. Глухарь отчаянно отбивался, нанося ему удары свободным крылом. Это была первая битва волченка.

С рычанием держал он глухаря за крыло. Птица вытащила его из куста. Когда она повернулась и пыталась затащить его обратно, он выволок ее на открытое место.

Птица перестала сражаться, но волченок все еще держал ее за крыло, и они оба лежали на земле и смотрели друг на друга. Волченок попробовал зарычать угрожающе и свирепо, птица долбнула его по носу, который сильно болел после предидущих приключений. Волченок попятился, но не выпустил крыла. А она клюнула еще и еще раз. Он завизжал от боли и попытался увернуться, забывая, что, держа ее, он тащит ее за собою. Дождь ударов посыпался на его ноющий от боли нос, и пыл борьбы угас в волченке. Бросив добычу, с поджатым хвостом, он со всех ног пустился в бесславное бегство.

Он лег отдохнуть на другой стороне долины, около кустов, с высунутым языком, с поднимающимися и опускающимися боками, с ноющим от боли носом. Лежа таким образом, он внезапно почувствовал, что ему угрожает что-то страшное. Волченок инстинктивно отпрянул под защиту куста. Едва он сделал это, как воздух порывисто пахнул на него, и большое крылатое тело зловеще пронеслось и удалилось. Ястреб, ринувшийся на него сверху, промахнулся.

На другой стороне долины самка-глухарь суетилась у разоренного гнезда, не замечая устремившегося на нее крылатого хищника. Но волченок наблюдал — и это было предостережением и уроком для него — быстрое падение ястреба, короткую задержку его полета над самою землею, удар когтей

по телу глухаря, мучительный, испуганный писк и порыв ввысь ястреба, уносящего с собой добычу.

Волченок спустился по отлогому берегу к ручью. Он еще не видел воды. Вот хорошее место для ходьбы! На поверхности совсем нет неровностей. Он храбро ступил на нее и, визжа от страха, пошел вниз, прямо в об'ятия неизвестного. Было холодно, он с трудом переводил дыхание. Вода попала ему в легкие, вместо воздуха, который всегда сопровождал дыхание. Он чувствовал удушье.

У него не было никакого сознательного представления о смерти, но, подобно всякому животному пустыни, он обладал инстинктом смерти. Она казалась ему самым большим увечьем, высшим и невообразимым ужасом, какой только может случиться с ним.

Волченок всплыл на поверхность, и сладкий воздух проник в раскрытую пасть. На этот раз он не погрузился. Совершенно так, как-будто это было давно привычным делом для него, он стал двигать всеми лапами и поплыл. Берег находился от него на расстоянии нескольких саженей, но он вынырнул спиною к нему, и его глаза остановились на противоположном берегу, куда он и поплыл. Ручей невелик, но расширялся в этом месте на двадцать футов.

Посредине ручья течение подхватило волченка и понесло вниз, где он был захвачен небольшим водопадом; плыть здесь уже было нельзя. Спокойная вода вдруг стала сердитою, и волченок оказывался то под водою, то на поверхности. Все время он находился в быстром движении, его вертело вверх и вниз, вправо и влево, ударяя о камни. И при каждом толчке он взвизгивал. Движение вперед сопровождалось рядом взвизгов, по которым можно было бы счесть число утесов, о которые он ударялся.

Ниже водопада его подхватило встречное течение, тихонько отнесло к берегу и нежно положило на ложе из гравия. Он поспешно выкарабкался из воды и лег.

Его маленькое, утомленное всеми происшествиями тело изнемогало. За все прошлые дни он не пережил столько, сколько сегодня. Ему сильно хотелось спать. Волченок отправился на поиски пещеры и матери.

Он пробрался между кустами, как вдруг услыхал резкий испуганный крик, и что-то желтое сверкнуло перед его гла-

зами. Он увидел быстро убегающую ласку. Это был маленький живой предмет — и он не испугался его. Затем у самых своих ног он увидел другой маленький живой предмет, всего в несколько дюймов длиною — крохотную ласку-детеныша, который рискнул непослушно, как он сам, уйти из дома. Детеныш пытался бежать, но волченок перевернул его лапою. Детеныш издал забавный резкий крик. В следующий момент снова мелькнуло перед глазами волченка что-то желтое, снова послышался крик, и в тот же миг он получил сильный удар в шею, и острые зубы матери-ласки впились в его мясо.

Пока он, пятясь, визжал и плакал, мать-ласка прыгнула к своему детенышу и исчезла вместе с ним в ближнем кустарнике. Укус ее зубов еще болезненно чувствовался на шее, но боль от обиды была больше. Зверек был такой маленький и такой злой! Волченку еще предстояло узнать, что для своей величины и веса ласка — самый жестокий, самый мстительный и ужасный убийца пустыни. Ему суждено было узнать это в скором времени.

Он еще не успокоился после плача, как мать-ласка появилась опять. Она не бросилась на него сразу, так как ее детенышу более не грозила опасность, а приближалась осторожно. И волченку представился случай рассмотреть ее худое, змеевидное тело и поднятую змеевидную голову. С резким, угрожающим криком она подходила ближе и ближе.

Быстрее, чем он мог заметить своими неопытными глазами, последовал прыжок, и худое желтое тело на миг исчезло из поля его зрения. В следующий момент она уже висела у его горла, вонзив острые зубы через шерсть в мясо.

Жизнь волченка должна была прекратиться, если бы волчица в этот момент не выскочила из кустов. Ласка оставила волченка и стрелою кинулась к горлу волчицы, но промахнувшись вместо горла вцепилась ей в челюсть. Волчица взмахнула головою и подкинула ласку высоко в воздух. Ее челюсти налету схватили гибкое желтое тело, и ласка нашла смерть, хрустя на зубах волчицы.

Волченок испытал новый прилив любви со стороны матери. Она, найдя его, радовалась, казалось, даже больше, чем он, найденный. Она обнюхивала и ласкала его, лизала его ранки, оставленные острыми зубами ласки. Затем мать с волченком,

разделив тело кровопийцы, с'ели его, вернулись в пещеру и уснули.

ГЛАВА VI

Закон мяса

Развитие волченка шло быстро. Он отдыхал два дня, а затем рискнул опять уйти из пещеры. Во время этого похода он нашел молодую ласку, мать которой он помог с'есть; с молодою ласкою произошло теперь то же, что с ее матерью. На этой прогулке он не заблудился. Утомившись, он нашел дорогу обратно к пещере и лег спать. После этого он каждый день уходил и бродил все дальше по плоскогорью.

Он начал вернее оценивать свою силу и слабость, чтобы знать, когда надо быть смелым, когда осторожным.

Он всегда походил на раз'яренного бесенка при встрече с заблудившимся глухарем и никогда не оставлял без свирепого рычания болтовни белки, замеченной им впервые у засохшей сосны. В то же время он никогда не забывал ястреба, движущаяся тень которого заставляла его заползать в густой кустарник. Он больше не переваливался с боку на бок и уже перенял от своей матери воровскую, скользящую походку, обманчивая быстрота которой была незаметна.

Опять наступило голодное время, и волченок уже вполне сознательно испытывал муки голода. Волчица отощала в поисках мяса. Она редко спала в пещере, проводя большею частью время в выслеживании следов, и все было напрасно. Этот голод продолжался недолго, но был жесток. Волченок не находил ни молока в сосках матери, ни куска мяса для себя.

Раньше он охотился для забавы, теперь же охотился по необходимости, борясь со смертью, но не находил ничего. Неудачи ускорили его развитие. Он тщательно изучил привычки белки и старался с большою ловкостью подкрасться к ней, чтобы поймать ее. Он изучил образ жизни лесных мышей и выкапывал их из нор; изучил обычаи зеленого дятла и других птиц. И настал день, когда тень от ястреба не могла заставить его уползти в кусты. Он стал сильнее, умнее и самоувереннее. И в нем крепла отчаянная смелость. Он как-то раз вызывающе сел на открытом месте и ждал, чтобы из синей

глубины к нему слетел на поединок ястреб. Он знал, что там, над ним, носилось мясо, и его желудок настойчиво требовал пищи. Но ястреб отказался спуститься для сражения, и волченок уполз в кусты и взвыл там от разочарования и голода.

Голод кончился. Волчица принесла домой мясо, странное мясо, не похожее на то, какое приносила когда-либо прежде. Это было мясо детеныша рыси, уже подросшего, как и волченок, но не такого большого. И все мясо было для волченка. Его мать удовлетворила свой голод в другом месте, и он не знал ни того, что это был последний из выводка рыси, с'еденного волчицей, ни того, что дело было отчаянное. Он знал только, что детеныш рыси с бархатною шкурою — пища, и ел его, с каждым куском делаясь счастливее.

Полный желудок ведет к бездействию, и волченок спал в пещере рядом с матерью. Его разбудило ее рычание. Никогда он не слыхал, чтобы она рычала так ужасно. Истребление целого выводка рыси не могло остаться без наказания. При полном блеске полдня волченок увидел рысь-мать, крадущуюся в отверстие пещеры. При виде ее шерсть на его спине встала дыбом. Надвигался ужас. И если бы одного вида рыси было недостаточно для его страха, то крик ярости, который издала названная гостья, крик, начавшийся рычанием и быстро перешедший в оглушительный визг, оказался еще убедительнее.

Волченок почувствовал прилив жизненных сил, вскочил и храбро зарычал подле матери. Но та оскорбительно оттолкнула его и заслонила собою. Низкая пещера не позволяла рыси сделать прыжок, и она должна была ползти. Волчица прыгнула и придавила ее. Волченку удалось немного видеть в этой битве; он слышал ужасный рев, рычание и визг. Оба зверя сцепились; рысь царапала и терзала волчицу, пуская в ход когти и зубы, в то время как волчица действовала одними клыками.

Волченок подпрыгнул, вцепился зубами в заднюю лапу рыси и прилип к ней, яростно рыча. Тяжестью своего тела он стеснял движения рыси и оказывал помощь матери. Новый оборот борьбы поставил его между двумя зверьми и заставил выпустить ногу рыси. На минуту обе матери отскочили друг от друга, но, прежде чем они бросились друг на друга, рысь

ударила волченка своей огромною переднею лапою, разодрала ему до кости плечо и отбросила с такою силою к стене, что он завертелся. Пронзительный визг боли и страха прибавился к шуму и звукам борьбы. Но борьба тянулась так долго, что у волченка нашлось время накричаться вдоволь и снова вернуть себе мужество. В конце битвы он снова вцепился в заднюю ногу рыси и немилосердно рычал. Рысь была мертва. А волчица сильно ослабла от ран. Сначала она ласкала волченка и лизала его пораненное плечо, но сильная потеря крови до такой степени ослабила ее, что она пролежала целые сутки возле своего мертвого врага без движения и чуть дыша.

Она не покидала пещеры неделю, выползая только для того, чтобы утолить жажду, и движения ее были слабы и болезненны. К концу недели рысь была с'едена, а поджившие раны волчицы позволили ей начать охоту за мясом.

Волченок стал сопровождать мать на охоту за дичью, видел часто, как она охотится, и сам начал принимать участие в охоте за мясом.

Теперь он держался смело и даже вызывающе, что в нем было уже совсем ново. Он не боялся больше мелких существ, и робость его почти исчезла, хотя неизвестное не переставало угнетать его своими тайнами и ужасами, неосязаемыми и вечно угрожающими.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА I

Делающие огонь

Волчёнок наткнулся на это нечаянно, по своей вине и неосторожности. Он вышел из пещеры и спустился к потоку, чтобы напиться. Он спустился мимо засохшей сосны, пересек поляну и побежал между деревьями. И одновременно он увидел и учуял. Перед ним молча сидели на корточках пять живых существ, каких он еще ни разу не видел.

Это было его первое знакомство с людьми. Но при виде его никто из пяти человек не вскочил, не оскалил зубов, не зарычал. Они не пошевелились и сидели в зловещем молчании.

Не двигался и волченок. Великий страх, похожий на благоговение, сковал его. Тягостное сознание своей слабости и ничтожества лишило его ног.

Один из индейцев встал, подошел к волченку и наклонился над ним. Волченок еще ниже пригнулся к земле. Но когда протянутая рука человека приблизилась к голове серого зверька, волченок ощетинился, зарычал, и его маленькие белые клыки обнажились.

Протянутая рука остановилась в нерешительности, и человек сказал со смехом:

— Вабам вабиска ип пит тах! (Смотрите, какие белые клыки!)

Другие индейцы громко засмеялись, подстрекая первого схватить волченка. Когда рука опускалась ниже и ниже, в волченке боролись два сильных побуждения — покориться или бороться. Он покорялся, пока рука не коснулась его. Тогда он стал бороться, и его зубы мигом вонзились в руку. В следующий же момент он получил удар по голове, сваливший его на бок. Человек рассердился. Волченок получил новый удар по голове, от которого опрокинулся и громко завизжал.

Индейцы хохотали. Они окружили волченка и смеялись над ним, а тот продолжал визжать от боли и ужаса. Но вот он что-то услыхал, и индейцы тоже услыхали. Волченок знал, что это было, и, издав последний длительный визг, в котором слышалось больше торжества, чем боли, умолк и ждал прихода матери — свирепой, неукротимой матери, сражавшейся со всеми, убивавшей всех и ни перед чем не отступавшей. Она бежала с громким рычанием. Услыхав крики волченка, она бросилась ему на помощь. Она кинулась к людям с воинственным чувством матери, который придавал ей дьявольский вид. Волченок завизжал от счастья и бросился навстречу матери. Волчица стояла впереди детеныша перед людьми, ощетинив шерсть и яростно рыча. И даже волченок не узнал ее — до такой степени ярость придавала ей страшный вид.

Но один из людей закричал:

— Кич!

И в этом восклицании слышалось крайнее изумление, и волченок почувствовал, как вздрогнула его мать.

— Кич! — крикнул снова человек, на этот раз резко и повелительно.

И тогда волченок увидал, как его бесстрашная мать поползла, изгибаясь, по земле, визжа от радости, махая хвостом и всем видом выражая миролюбивое чувство.

Человек подошел к волчице. Он положил руку ей на голову, и она еще плотнее прижималась к земле. Она не укусила его, даже не угрожала укусить. Прочие люди тоже приблизились, окружили ее, ощупывали, притрагивались к ней, а она не пыталась их отгонять. Они были крайне возбуждены и своими ртами производили громкий шум. Но в этом шуме не было ничего угрожающего, и волченок подполз и прижался к матери, все еще взвизгивая по временам, хотя и стараясь сдерживаться.

— Просто и понятно, — говорил индеец, — ее отец был волк. Правда, по матери она произошла от собаки. Но разве мой брат не оставлял ее мать привязанной три ночи в лесу? Значит отцом у Кич был волк.

— Уже прошел год, Серый Бобр *), как она убежала, — сказал второй индеец.

---

*) «Серый Бобр», «Язык Лосося» — имена индейцев.

— И в этом ничего нет страшного, Язык Лосося, — ответил Серый Бобр. — Был голод в то время, и для собак нехватало мяса.

Серый Бобр положил руку на волченка.

Волченок слегка зарычал при прикосновении, и рука поднялась, чтобы нанести удар. Но волченок спрятал клыки и с покорным видом приник к земле, а рука стала чесать у него за ухом и гладить по спине.

— Ясно, что его мать — Кич, а отец — волк. Поэтому в нем мало собачьего и много волчьего. У него белые клыки, и кличка ему будет Белый Клык. Он — моя собака.

Серый Бобр пошел в кустарник и вырезал палку. Волченок наблюдал за ним. Серый Бобр сделал зарубки на концах палки и укрепил на них ремни из сырой кожи. Один ремень он обвязал кругом горла Кич, затем подвел ее к небольшой сосне, вокруг которой привязал другой ремень.

Белый Клык пошел за матерью и лег подле нее. Язык Лосося протянул руку и перевернул его на спину. Кич выказывала беспокойство, и страх снова овладел Белым Клыком. Он не мог подавить в себе рычание, но уже не делал попыток кусаться. Рука приятно гладила его по животу и перекатывала его то на одну, то на другую сторону. Было смешно и неловко лежать на спине с растопыренными кверху ногами. Белый Клык был так беспомощен в этом положении и совершенно не мог защищаться. Однако, покорность заставила его подавить в себе страх, и он только рычал едва слышно. Рычание вырывалось невольно, и за рычание теперь не ударяли кулаком по голове. К тому же Белый Клык испытывал удовольствие, когда рука гладила его по шерсти. Когда пальцы человека стали чесать у него за ухом, приятное ощущение усилилось. Погладив его, человек оставил его в покое и отошел, и весь страх испарился в Белом Клыке. Ему предстояло еще много раз испытывать страх перед человеком, но теперь совершился как бы залог тех дружеских отношений, которые должны были установиться между ним и человеком.

Подходила остальная часть племени *), всего около сорока душ. Все были тяжело нагружены лагерным скарбом и вооружением. Было много и собак, тоже нагруженных лагерными принадлежностями.

---

*) Индейцы Америки живут мелкими племенами.

Собаки, как только заметили волченка и его мать, сразу же кинулись на них. Белый Клык, ощетинившись, рычал и хватал зубами за морды налетевших собак, но был сбит с ног и почувствовал, как острые зубы собак кусают его. Поднялась невообразимая суматоха. Он слышал свирепое ворчанье Кич, боровшейся вместе с ним, крики людей, звуки палочных ударов, которыми отгоняли собак, и вой побитых животных.

Прошло несколько секунд, и он снова был на ногах. Он мог теперь видеть, как люди палками и камнями отгоняют собак, защищая и спасая его от их ярости. И хотя у него не было разума, чтобы составить себе ясное представление о справедливости, тем не менее он по-своему почувствовал справедливость людей и признал их за создателей и исполнителей закона. Кроме того, он оценил силу, с какою они заставляли подчиняться закону. Они не кусались и не царапались, как другие животные. Палки и камни, направленные этими странными существами, прыгали в воздухе, как живые предметы, и причиняли чувствительный вред собакам.

Последняя собака была отогнана, суматоха улеглась. Люди поднялись с места. Человек взял за конец палку и повел Кич, как пленницу. Позади матери поплелся и он, Белый Клык, очень смущенный и огорченный этим новым приключением.

Они спустились вниз по долине, где протекал поток, значительно дальше тех мест, куда заходил Белый Клык, и дошли до конца долины. Здесь, где поток впадал в реку Мэккензи, на берегу на высоких шестах были укреплены челноки и решетки для сушки рыбы.

Индейцы разбили свой лагерь. И Белый Клык с удивлением смотрел кругом. Могущество этих существ увеличивалось с каждой минутой. Он уже видел их власть над зубастыми собаками. Одно это доказывало их силу. Но их власть над неживыми предметами еще более поразила волченка. Он во все глаза смотрел, как устраивали из шестов остовы для палаток. Когда остовы из шестов, покрытые полотном и шкурами, превратились в шалаш (вигвамы), Белый Клык был совершенно поражен.

Вигвамы поднимались вокруг него со всех сторон, как какая-то чудовищная быстро-растущая жизнь и занимали почти все его поле зрения. Он боялся их. Они зловеще возвышались

над ним, колыхаясь временами от ветра, и он в страхе приседал, не спуская с них глаз и готовясь отскочить, если они попытаются низвергнуться на него.

Но скоро его страх перед вигвамами прошел. Он видел, как женщины и дети входили и выходили из них без всякого вреда и как собаки часто пытались пробраться внутрь, прогоняемые камнями и руганью. Волченок осторожно подполз к ближайшему вигваму. Его влекла любознательность. Последние несколько дюймов до стены вигвама Белый Клык полз особенно медленно и осторожно. Наконец его нос коснулся стены, и замер в ожидании. Ничего не случилось. Тогда он тщательно обнюхал странное сооружение, пропитанное человеческим запахом, схватил зубами конец полотняной стены и потянул. Ничего не произошло, хотя ближняя часть вигвама заколыхалась. Он потянул сильнее, и стена заколыхалась сильнее. Это доставило ему удовольствие, и он тянул до тех пор, пока не заколыхался весь вигвам. Резкий крик индейской женщины заставил его броситься опрометью к Кич. Но после этого Белый Клык больше не боялся потерявших всю свою внушительность вигвамов.

Через минуту он снова ушел от Кич. Ее палка была привязана к колу, вбитому в землю, и она не могла последовать за ним. Полувзрослый щенок, несколько больше и старше Белого Клыка, медленно подошел к нему с хвастливо-воинственною важностью. Щенка звали Лип-Лип, и он уже имел некоторый опыт в схватках с другими щенками, считаясь даже забиякою.

С замечательною быстротою Лип-Лип подскочил и укусил Белого Клыка. Укус пришелся как-раз в плечо, израненное почти до кости рысью и еще незажившее.

Белый Клык, постыдно визжа, убежал под защиту матери. Это была его первая из многих драк с Лип-Липом, потому что они с первого же дня сделались врагами.

Любопытство Белого Клыка было ненасытно, и уже через несколько минут он отправился на новые исследования. Он натолкнулся на Серого Бобра, который сидел на корточках и что-то делал с палками и сухим мхом, разложенными перед ним на земле.

Белый Клык подошел так близко, что дотронулся до колена Серого Бобра — настолько сильно было его любопытство.

Он вдруг увидел какую-то странную, похожую на туман вещь, начавшую подниматься от палок и мха из-под рук Серого Бобра *). Между палками, крутясь и извиваясь, показался живой предмет, похожий по цвету на солнце на небе. Белый Клык ничего не знал об огне, который теперь притягивал его к себе, как свет к пещере в первые дни его жизни. Он подполз совсем близко и коснулся носом огня, собираясь лизнуть его языком.

И в ту же секунду странное существо, похожее на солнце, схватило его за нос. Он отпрянул и разразился диким визгом. Кич запрыгала, рыча, на конце своей палки и страшно сердилась, потому что не могла притти к нему на помощь. Серый Бобр громко захохотал, хлопая себя по бедрам, и рассказал о случившемся всем остальным в лагере; раздался дружный, шумный хохот. А Белый Клык сидел на задних лапах и жалобно визжал.

Но ему стало стыдно. Он почувствовал стыд от того, что животные-люди смеются над ним. И он побежал к Кич, к единственному в мире созданию, которое не смеялось над ним.

За сумерками настала ночь, и Белый Клык лежал подле матери. Нос и язык еще болели, но его томила тревога более сильная. Он почувствовал тоску по дому.

ГЛАВА II

Неволя

Потекли дни, богатые опытом для Белого Клыка. Пока Кич была привязана к своей палке, он носился по всему лагерю, исследуя, осматривая и изучая. Он быстро ознакомился с образом жизни животных-людей. Чем больше он узнавал людей, тем сильнее их поступки обнаруживали их превосходство, тем яснее проявлялась их таинственная мощь, тем несомненнее казались они ему подобными богам.

Как его мать при первом же зове ее по имени из'явила покорность людям, так и он начал выказывать свою покорность. Он уступал им дорогу, когда они шли. На их зов он немедленно являлся. Когда они грозили, он униженно ползал перед ними; когда выгоняли, торопился уйти. Каждое их желание было выражением власти, и они обладали возмож-

*) Индейцы не знают употребления спичек и добывают огонь трением друг о друга сухих палок, обложенных сухим же мхом.

ностью приводить его в исполнение посредством палок и кулаков, летающих камней и больно хлещущих кнутов.

Белый Клык скоро изучил все лагерные обычаи. Он подметил несправедливость и жадность старших собак при раздаче мяса или рыбы. Он узнал, что мужчины более справедливы, дети более жестоки, а женщины добрее всех в лагере; от женщин ему чаще всего перепадали куски мяса или кости. После двух-трех схваток с матерями подрастающих щенят он пришел к заключению, что самое благоразумное не подходить к ним близко, держаться от них возможно дальше и уходить при их приближении.

Но отравою его жизни стал Лип-Лип. Будучи больше, старше и сильнее Белого Клыка, он избрал его предметом своих нападений. Белый Клык дрался довольно охотно, но неудачно. Его враг был слишком велик. Лип-Лип сделался его кошмаром. Едва он отходил от матери, забияка снова вырастал из-под земли перед ним, преследовал его по пятам, рычал, и, если не было вблизи людей, бросался на него и втягивал в драку.

Белый Клык делался озлобленным и мрачным. Он был зол от рождения, бесконечное же преследование озлобило его еще больше. Веселая беспечно-детская сторона его характера не могла развиться. Он никогда не играл и не резвился с другими щенками в лагере. Едва Белый Клык появлялся вблизи щенят, Лип-Лип набрасывался на него и отгонял прочь.

Белый Клык рано утратил детские черты и казался старше своего возраста. Лишенный радостей, он ушел в себя и развивался умственно. Он стал лукав. Лишенный возможности получать свою долю пищи во время общей кормежки собак, он сделался ловким вором.

Еще в первые дни вражды с Лип-Липом Белый Клык сыграл с ним злую шутку и в первый раз познал сладость мести.

Как прежде Кич умела заманивать собак из лагеря белых людей на с'едение волкам, так точно Белый Клык заманил Лип-Липа прямо в пасть Кич. Спасаясь от Лип-Липа, он кружил между палатками лагеря. Он бегал хорошо, быстрее всех щенков его возраста и быстрее Лип-Липа. На этот раз он все время держался не больше, чем на шаг впереди от преследователя.

Возбужденный погонею и близостью убегавшей жертвы, Лип-Лип забыл осторожность. На полном бегу вокруг палатки он наткнулся с разгона на Кич. Она была привязана, но, несмотря на это, Лип-Лип отделался недешево. Она сбила его с ног, так что он не мог убежать, кусала его и рвала своими клыками. Когда ему удалось, наконец, откатиться от нее, он пополз весь растрепанный, с изувеченным телом и угнетенным духом. На этом дело не закончилось. Белый Клык вцепился зубами в заднюю ногу Лип-Липа, и тот пустился в позорное бегство, а по его пятам неслась его жертва, гоня его вплоть до его палатки. Здесь на выручку подоспели индианки. Белый Клык, превратившийся в яростного демона, был в конце концов отогнан градом камней.

Настал день, когда Серый Бобр решил, что склонность к бродяжничеству прошла у Кич, и освободил ее. Белый Клык был в восторге, увидя свою мать свободною. Он радостно прогуливался с нею по лагерю, и, пока он был подле нее, Лип-Лип держался на почтительном расстоянии.

В тот же день Кич вместе с сыном дошли до опушки леса невдалеке от лагеря. Он шаг за шагом увел сюда волчицу. Поток, берлога и спокойные леса призывали его, и он хотел, чтобы она ушла вместе с ним. Когда Кич остановилась, он отбежал на несколько шагов и оглянулся. Но она не двигалась. Он умоляюще визжал и носился, играя, меж кустов, возвращался к ней, лизал ее морду и убегал снова. А она не двигалась. Он остановился и смотрел на нее пристально и настойчиво, выражая этим все, что томилось в нем.

Но она отвернулась и смотрела в сторону лагеря.

То, что призывало в лес волченка, манило и ее. Но ей слышался также и другой, более громкий призыв — призыв огня и человека.

Кич повернулась и не спеша побежала рысцою к лагерю. Своим обаянием лагерь удерживал ее сильнее всякой привязи к палке. Белый Клык сидел в тени березы и тихонько визжал. Сильный запах сосны и тонкий лесной аромат наполняли воздух, напоминая ему о прежней свободной жизни до дней неволи. Но он был еще полувзрослым щенком, и сильнее, чем призыв человека или пустыни, был призыв его матери. Он поднялся и безнадежно поплелся в лагерь.

Серый Бобр был в долгу у индейца Три Орла, который уходил вверх по Мэккензи на Большое Невольничье озеро. Лоскут алого сукна, медвежья шкура, двадцать патронов и Кич пошли в уплату долга. Белый Клык увидал, как его мать взял в челнок Три Орла, и хотел последовать за нею. Кулак человека вернул его обратно на землю. Челнок отпихнули, Белый Клык прыгнул в воду и поплыл за ним, не обращая внимания на крики Серого Бобра. Даже он, божество, не существовал в эти минуты для Белого Клыка — так сильно страшился он потерять мать.

Серый Бобр сердито спустил челнок. Нагнав Белого Клыка, он протянул руку, схватил за загривок волченка и вытащили его из воды. Но он не сразу положил его на дно челнока. Держа его одною рукою в воздухе, другою он наносил ему побои.

Под градом ударов то с одной, то с другой стороны Белый Клык раскачивался, как маятник. Сначала у него появилось удивление, затем испуг, который он выражал взвизгиванием при каждом ударе. Но его свободная натура заявила о себе; он оскалил зубы и бесстрашно зарычал прямо в лицо человеку. Удары посыпались чаще, тяжелее и больнее.

Серый Бобр продолжал бить, Белый Клык продолжал рычать. Но это не могло быть вечно. Тот или другой должен был наконец уступить, и уступил Белый Клык. Страх снова овладел им, потому что его первый раз по-настоящему била рука человека. Случайно испытанные им раньше удары палкою или камнем были ласкою в сравнении с этими побоями. Он смирился и начал плакать и визжать.

Наконец, Серый Бобр опустил руку, которая наносила удары и кинул щенка на дно лодки. Челнок уносило течением. Серый Бобр поднял весло, при чем Белый Клык оказался на дороге. Серый Бобр толкнул его сердито ногою. Природа Белого Клыка опять пробудилась в нем, и он вцепился зубами в ногу, обутую в моккасины.

Трепка, которую он только-что перенес, была ничто в сравнении с той, которую он получил теперь. Руку заменило жесткое весло, и когда его бросили опять на дно челнока, на всем его теле не было неизбитого места. Опять, и на этот раз нарочно, Серый Бобр толкнул его ногою. Но Белый Клык не повторил нападение на моккасины. Он заучил новый урок

своего рабства — никогда, ни при каких обстоятельствах не должен он кусать своего хозяина и повелителя.

Когда лодка коснулась берега, Серый Бобр выбросил волченка на землю, и тот снова больно ударился своим избитым телом о камни. Лип-Лип накинулся на него, сбил с ног и впился в него зубами. Белый Клык был беспомощен, и ему бы не сдобровать, если бы нога Серого Бобра не отшвырнула его врага с такою силою, что Лип-Лип взлетел на воздух и затем шлепнулся на землю футов на двенадцать дальше. В этом заключалась справедливость человека, и Белый Клык, несмотря на свое жалкое состояние, почувствовал благодарность к нему. Следуя по пятам за Серым Бобром, он послушно ковылял по всему поселку, вплоть до вигвама.

В эту ночь, когда все стихло, Белый Клык вспомнил о своей матери и затосковал по ней. Он горевал так громко, что разбудил Серого Бобра, который побил его. После этого в присутствии богов он сетовал потихоньку, но иногда, пробравшись на опушку леса, он давал выход своему горю, громко воя и плача.

ГЛАВА III

Отверженный

Лип-Лип до такой степени отравлял жизнь Белому Клыку, что тот становился злее и свирепее, чем это было свойственно его натуре. Даже среди людей о нем составилось мнение, как о необыкновенно злой собаке. И если происходили шум и смятение в лагере, драка и грызня, если жена индейца кричала, что у нее украли мясо, можно было быть уверенным, что в этом деле замешан Белый Клык.

Он оказался отщепенцем среди населения лагеря. Все молодые собаки об'единились с Лип-Липом. И, раз об'явив ему войну, считали должным продолжать ее. Все собаки более или менее познакомились с его зубами, при чем, надо отдать ему справедливость, он давал больше, чем получал. Многих из них он мог бы одолеть в единоборстве, но на него всегда нападали все сразу. Начало каждой драки служило сигналом для всех молодых собак сбегаться и грызть его.

При общем преследовании он научился двум важным вещам: как отбиваться от всей стаи и как, имея дело с одним противником, успеть в кратчайший срок нанести ему воз-

можно больше ран. Уменье твердо держаться на ногах среди враждебной стаи нередко спасает жизнь, и он хорошо изучил это. Даже взрослые собаки, действуя стаей, могли лишь оттиснуть его в сторону тяжестью своих тел, но им никогда не удавалось опрокинуть его.

Когда собаки затевают драку, они обычно исполняют некоторый предварительный ритуал*), — рычат, вз'ерошивают шерсть, наскакивают друг на друга.

Но Белый Клык опускал эти предварительные церемонии. Он никогда не находил нужным предупреждать о своем намерении. Он бросался и кусал прежде, чем враг успевал опомниться. Таким образом, он выучился наносить быстрые и жестокие удары и понял цену неожиданных нападений. Стоило напасть на собаку врасплох, прокусить до кости плечо или разорвать ухо в клочки — и половина победы уже одержана.

Затем, было очень легко опрокинуть собаку внезапным налетом; в такие минуты шея собаки оказывается незащищенной, а это была самая уязвимая точка, и, укусив врага в этой точке, можно было умертвить его. Белому Клыку было это хорошо известно. Знание досталось ему по наследству от ряда поколений волков-охотников.

Белый Клык еще не вполне вырос, его укусы в горло еще не были смертельны, тем не менее многие молодые собаки бродили по лагерю с надорванным горлом, свидетельствуя этим о намерениях Белого Клыка. Однажды, поймав одного из врагов, одиноко гулявшего на опушке леса, он сумел несколькими укусами добраться до большой вены и загрызть собаку до смерти. Тогда в лагере поднялся в ту ночь невероятный шум. Преступник был открыт. Весть о нем немедленно дошла до хозяина собаки; женщины припомнили все случаи покраж мяса, и сердитая толпа собралась у палатки Серого Бобра. Но тот закрыл полы палатки, спрятав в ней преступника, и отказался выдать его.

И люди, и собаки стали ненавидеть Белого Клыка. В этот период своей жизни он не знал ни минуты покоя. Зубы всех собак были направлены на него, как и руки всех людей.

Представители его породы встречали его клыками, а боги — проклятьями и камнями. Он жил напряженной жизнью, вечно

*) Ритуал — церемония.

настороже, всегда готовый напасть или отразить нападение, ожидая все время внезапного прыжка и укуса в свое горло или же приготовляясь с угрожающим рычанием вцепиться в чужое горло.

Что же касается рычанья, то он мог рычать ужаснее всякой собаки в стане, молодой или старой. В своем рычании Белый Клык соединял все, что в нем было злобного и страшного. Его вздрагивающие в непрерывных спазмах ноздри, волнообразно поднимающаяся щетиною шерсть на спине, высунутый язык, похожий на красную змейку, прижатые уши, горящие ненавистью глаза и выставленные клыки, с которых стекала пена, — все это взятое вместе заставляло призадуматься многих его врагов.

Его отчуждение от стаи собак-подростков, его кровожадные инстинкты и замечательная сила сделали его грозой всей стаи собак. Ни один щенок, вышедший одиноко на берег реки, не мог быть уверенным в том, что вернется невредимым в лагерь.

Но и стая собак не оставалась в долгу. Стоило им завидеть его, как вся стая стремительно летела за ним, и лишь быстрота ног обычно спасала его. Но горе собаке, в увлечении обгонявшей при этом своих товарищей! Белый Клык научился внезапно поворачиваться к преследователю, обогнавшему стаю, и жестоко кусать его клыками, прежде чем подоспеют остальные собаки.

Ненавидимый людьми и собаками, неукротимый, вечно враждующий и находящийся в беспрерывной борьбе со всеми, волченок развивался быстро, но односторонне. Его законом стало повиноваться сильному и притеснять слабого. Серый Бобр был божество и сила. Поэтому Белый Клык повиновался ему. Но собака моложе и меньше его подлежала уничтожению, как слабейшая. Он развивался только в направлении силы.

Он сделался проворнее других собак, стал бегать быстрее их, сделался хитрее, неумолимее, изворотливее, с более гибкими и сильными мускулами и сухожилиями, выносливее, злее, ожесточеннее и умнее. Он должен был сделаться таким, иначе он не выжил бы в этой враждебной обстановке.

ГЛАВА IV

След богов

Осенью, когда дни стали короче и уже покусывал мороз, Белому Клыку представился случай вернуть себе свободу. В лагере царила суматоха. Летний стан свертывался, и племя готовилось выступить на осенние охоты. Белый Клык напряженно следил за всем и, когда начали разбирать вигвамы и нагружать лодки, он понял.

Несколько пирог *) уже отплыло, и некоторые из них скрылись из виду по реке.

Он решил остаться. Он выждал удобный случай и ускользнул в лес. Здесь он замел свой след в начавшем замерзать потоке, забрался в чащу кустарника и стал ждать. Время шло, и он успел несколько раз заснуть. Но его разбудил голос Серого Бобра, который звал его. Слышались и другие голоса. Белый Клык узнал голос жены Серого Бобра, принимавшей участие в поисках, и голос Мит-Саха, сына Серого Бобра.

Белый Клык дрожал от страха, но не уступил побуждению выйти из убежища. Некоторое время спустя, голоса замерли вдали. Наступили сумерки. В упоении свободой он некоторое время играл между деревьями. И совершенно неожиданно его охватило чувство одиночества.

Становилось холодно. Здесь нельзя было приютиться у теплой стены вигвама. Озябли ноги, и он поджимал по очереди то одну, то другую. Он почувствовал голод, и память соблазнительно нарисовала куски мяса, которые там бросали ему. А здесь не было пищи—ничего, кроме зловещей тишины.

Неволя изнежила тело, обеспеченная жизнь ослабила дух. Он разучился добывать себе пищу. Спускалась ночь. Ничто более не занимало его чувств, привыкших к шуму и движению лагеря, к беспрерывной смене картин и звуков; нечего было делать, нечего слушать, не на что смотреть. Он был подавлен бездействием и предчувствием чего-то неминуемо ужасного.

Громко треснуло от ночного холода дерево над головою Белого Клыка. Он завыл и в паническом страхе пустился, как безумный, бежать к лагерю. Он выбежал из леса на залитую лунным светом поляну, на которой не было ни теней, ни мрака.

---

*) Пирога — индейская лодка, на манер нашего челна.

Но там, где раньше стояли вигвамы, осталось лишь пустое место.

Белый Клык беспомощно бродил по опустевшему становищу, обнюхивая кучи мусора и брошенный хлам.

Он пришел на то место, где прежде стоял вигвам Серого Бобра, сел посредине и поднял морду к луне. Спазмы сжали его горло, пасть раскрылась, и в его раздирающем душу вое вылились все накопившиеся в нем чувства — тоска по Кич, все прошлые огорчения и печали, предчувствие грядущих невзгод и ужасов.

Рассвет рассеял все ужасы, хотя усилил чувство одиночества.

Белый Клык вернулся в лес и побежал вдоль берега вниз по реке. Бежал без отдыха весь день. Его тело не знало усталости; и даже когда сказывалось утомление, наследственная выносливость побуждала к новым усилиям и придавала телу крепость.

Там, где река текла меж отвесных утесистых берегов, он взбирался по утесам, а речки и ручьи, впадающие в реку, переплывал или переходил вброд. Часто приходилось пробираться по только что образовавшемуся льду, окаймлявшему берег, и не раз проваливаться, рискуя утонуть. Он искал следы людей.

Он бежал всю ночь, натыкаясь в темноте на разные препятствия, которые замедляли его бег, но не отбивали охоты бежать дальше. Он ничего не ел в течение сорока часов и ослабел от голода. Частые погружения в ледяную воду тоже оказывали свое действие. Шерсть запачкалась в грязи, а широкие лапы были разбиты до крови.

В эту ночь Серый Бобр намеревался сделать привал на противоположном берегу Мэккензи, потому что таково было направление пути охотников. Но незадолго до вечера жена Серого Бобра выследила на берегу, вдоль которого бежал Белый Клык, оленя, пришедшего напиться. Не приди этот олень к реке напиться, Серый Бобр не сделал бы привала на этом же берегу Мэккензи, а Белый Клык пробежал бы мимо и затем либо умер, либо попал бы к своим диким собратьям и остался бы волком до конца своих дней.

Наступила ночь, снег повалил сильнее, и Белый Клык, тихо взвизгивая, и прихрамывая, напал на свежий след на снегу. След был настолько свеж, что он сразу узнал его. Завиз-

жав сильнее, он пошел по нему в сторону от берега, в лес. До его ушей донеслись звуки из лагеря. Он увидел пламя костра, Клу-Куч, варившую пищу, и Серого Бобра, сидевшего на корточках и жевавшего кусок сырого сала.

Белый Клык подполз к костру. Серый Бобр заметил его и перестал жевать сало. Белый Клык полз медленно и смиренно, с выражением покорности и униженности. Он полз прямо к Серому Бобру, с каждым дюймом все медленней и с большим трудом. Наконец, он лег у ног хозяина, добровольно отдаваясь ему во власть душою и телом. По своему желанию он пришел к костру человека и предался ему. Белый Клык весь трепетал, ожидая наказания. Был момент, когда рука поднялась над ним, и он невольно с'ежился в ожидании удара. Но удара не последовало. Он украдкой взглянул вверх. Серый Бобр раздирал кусок сала пополам. Серый Бобр протянул ему половину куска! Тихо и даже подозрительно Белый Клык сначала обнюхил сало и потом принялся за еду.

ГЛАВА V

Договор

В конце декабря Серый Бобр отправился вверх по Мэкензи.

Белый Клык видал лагерных собак, тащивших лямками сани, и потому принял не очень близко к сердцу, когда его ввели в упряжь. На его шею надели набитый мхом хомут, соединенный двумя постромками с ремнем, который проходил под грудью и на спине. К ремню была привязана длинная веревка, которою Белый Клык тащил сани.

В сани были запряжены семь молодых собак девяти или десяти месяцев, и лишь Белому Клыку было восемь месяцев. Каждая собака привязывалась к саням отдельною веревкою. Не было веревок одинаковой длины, и разница в длине каждой веревки равнялась телу собаки. Каждая веревка была привязана к кольцу на передке саней. Сани были без полозьев, представляли выдолбленную из березовой коры лодку с загнутым вверх передком для того, чтобы сани не зарывались в снегу. Такое устройство давало возможность распределять тяжесть саней и поклажи на широкую снежную поверхность, потому что снег был рыхл, как порошок.

Веревки разнообразной длины препятствовали собакам бросаться с тылу на тех, что бежали перед ними. Собака, стремящаяся напасть на идущую впереди нее, должна была тянуть сани сильнее, а чем сильнее катились сани, тем быстрее убегала передняя собака. Следовательно, задняя собака никогда не могла поймать переднюю. Чем быстрее бежала одна, тем быстрее бежала другая, и тем быстрее бежали все собаки. Такими хитрыми уловками человек увеличивал свою власть над животными.

Сын Серого Бобра Мит-Сах походил на своего отца, особенно способностью применяться к обстоятельствам. Еще прежде он заметил, что Лип-Лип преследовал Белого Клыка. В то время Лип-Лип был чужою собакою, и Мит-Сах при случае осмеливался лишь бросить в него камень. Но теперь Лип-Лип принадлежал ему, и он решил удовлетворить чувство мести, поместив его к концу самой длинной веревки. Это делало Лип-Липа вожаком и было как бы честью для него, но в действительности делало ненавидимым и преследуемым всею стаею.

Лип-Лип бежал на конце самой длинной веревки, и собакам постоянно казалось, что он убегает от них. И они видели только его пушистый хвост да бегущие задние ноги, а это далеко не то, что грозно вз'ерошенная шерсть и оскаленные зубы.

Как только сани тронулись, вся запряжка погналась за Лип-Липом и гналась целый день. Сначала оскорбленный в чувстве собственного достоинства Лип-Лип пробовал, оборачиваясь, огрызаться на своих преследователей, но всякий раз Мит-Сах беспощадно хлестал его прямо по голове своим тридцатифутовым бичом и заставлял нестись вперед.

Коварный индеец изобрел еще одну пытку: он стал отличать Лип-Липа перед другими собаками, чтобы возбудить их ненависть и ревность. В их присутствии Мит-Сах давал мясо одному ему и сердил этим собак. Они с бешенством ходили кругом, в то время как Лип-Лип пожирал мясо, а Мит-Сах своим бичом охранял его от собак. Даже, когда мяса не было, Мит-Сах все-таки отгонял собак и делал вид, что кормит Лип-Липа. Таким образом, из вожака всей стаи Лип-Лип превратился в предмет яростной ненависти всех собак.

На привалах Лип-Лип жался к Мит-Саху или к Серому Бобру и к Клу-Куч. Он не осмеливался отходить далеко от

своих хозяев, потому что клыки всех собак были направлены против него, и он должен был испытать на себе горечь преследования, которая раньше выпадала лишь на долю Белого Клыка.

После падения Лип-Липа Белый Клык мог бы сделаться вожаком стаи. Но для того он был слишком мрачен и слишком сильно любил одиночество; с товарищами-собаками он либо дрался, либо не обращал на них никакого внимания. Они тоже старались не попадаться ему на дороге, и даже самые смелые из них не решались украсть у него мясо. Напротив, они спешили как можно скорей с'есть свою долю из боязни, что Белый Клык может отнять у них пищу. Белый Клык с'едал свою порцию проворнее других, и тогда горе собаке, не успевшей управиться со своею.

Он был свирепый тиран и властвовал с железной непреклонностью. Слабых он угнетал с особенною злопамятливостью. Недаром он сам вынес в начале жизни жестокую борьбу за существование, когда вместе с матерью, оба одинокие и беспомощные, они должны были добывать себе пищу в суровой пустыне.

Прошел не один месяц, а путешествие Серого Бобра все еще продолжалось. Сила Белого Клыка за долгие часы езды развилась от тяжелых саней, а умственное развитие казалось законченным. Он вполне уяснил себе мир, в котором жил. На его взгляд, это был зверски-жестокий, холодный мир, в котором не существовало ни ласки, ни привязанности, ни доброты.

Серого Бобра он не любил. Правда, это был бог, но бог очень жестокий. Белый Клык охотно признавал его власть, которая была основана на превосходстве ума и свирепой силы. Серый Бобр не умел ни ласкать, ни говорить добрых слов. Его превосходство было превосходством дикаря, и он правил, как дикарь, восстанавливая справедливость палкою, наказывая за вину ударами, а заслуги награждая тем, что в таких случаях не прибегал к палке.

Белый Клык так и не знал ничего о блаженстве, какое может доставить собаке ласковое прикосновение человеческой руки. Наоборот, он недолюбливал рук человека и относился к ним подозрительно. Правда, они давали мясо, но чаще причиняли боль, и от них следовало держаться подальше. В чу-

жих лагерях он испытывал на себе, что детские руки тоже способны причинять жестокую боль. Однажды малыш, с нетвердою еще походкою, чуть не выколол ему глаза. После таких опытов он стал недоверчиво относиться к детям. Когда они подходили близко, он убегал.

В одной деревне на берегу Большого Невольничьего озера случилось, что Белый Клык, с целью избежать зла от рук человека, укусил одного из них. В этой деревне он отправился на поиски за пищей. Какой-то мальчик рубил топором замороженное оленье мясо, и кусочки разлетались по снегу. Белый Клык остановился и начал было есть эти кусочки, но увидел, что мальчик положил топор и взял толстую палку. Белый Клык успел отскочить, как раз во-время увернувшись от удара. Мальчик погнался за ним, а он, не зная расположения деревни, забежал между двумя вигвамами и очутился прижатым к высокому валу.

Для Белого Клыка не оставалось выхода. Единственный путь был загорожен мальчиком, который занес для удара палку. Белый Клык почти не сознавал, что делает. Он действовал в припадке неописуемой ярости. И прежде чем мальчик успел опомниться, он уже лежал опрокинутым в снегу, а его рука, державшая палку, оказалась прокушенною зубами Белого Клыка.

Белый Клык знал, что нарушил закон богов и ждал жестокого наказания. Он убежал к Серому Бобру и укрылся позади его ног, когда укушенный мальчик и вся его семья явились требовать возмездия. Но они ушли ни с чем — Серый Бобр защитил Белого Клыка. Белый Клык, прислушиваясь к словесной войне и наблюдая за гневными движениями, понял, что его поступок находит оправдание. Он узнал, что боги бывают всякие. Между его богами и другими божествами существует разница. Он должен был одинаково сносить от своих богов справедливость и несправедливость, но не был обязан сносить несправедливость от чужих богов. И мстить за нее укусом было его право.

В тот же день Белый Клык узнал еще кое-что об этом законе. Мит-Сах один собирал в лесу хворост и столкнулся с укушенным мальчиком, с которым были еще другие мальчики. Поднялась ссора. Все мальчики бросились на Мит-Саха, и ему пришлось плохо. Удары сыпались на него со всех сто-

рон. Сначала Белый Клык только наблюдал за дракой. Но затем порыв слепого гнева заставил его броситься среди дерущихся. И пять минут спустя по поляне неслись убегавшие мальчики, и многие из них оставляли на снегу кровавые следы укусов Белого Клыка.

Мит-Сах рассказал в лагере об этом происшествии. Серый Бобр распорядился наградить Белого Клыка мясом, и Белый Клык, наевшись доотвала, спал у костра; он знал теперь, как надо поступать по законам его богов.

Прошло несколько месяцев, и связь между собакою и человеком окрепла. Белый Клык служил своему богу из сознания долга и страха, но не из любви к нему. Он не знал, что такое любовь, и никогда не испытывал любви. Кич стала далеким воспоминанием. Его преданность человеку, казалось, была сильнее любви к свободе, к семье и к своему роду.

ГЛАВА VI

Голод

Наступила весна, и Серый Бобр окончил свое долгое путешествие. В апреле Белому Клыку исполнился год, когда он вернулся в прежнее становище, и Мит-Сах снял с него хомут. Хотя он не достиг вполне своего развития, но считался после Лип-Липа самою большою из годовалых собак. От волка, своего отца, и от Кич он унаследовал силу и крупное телосложение; он почти сравнялся со старыми собаками, но еще не приобрел плотности; тело у него было худое и вытянутое; его сила была больше нервной, чем мускульной. Его серая шерсть была настоящей волчьей, и по наружности он был самый заправский волк. Кровь собаки, переданная ему от Кич, не проявилась в нем никаким внешним признаком, но оказала влияние на его умственный склад.

Белый Клык бродил по лагерю. Он чувствовал теперь гораздо меньше страха перед собаками, разгуливая среди них не без гордости и непринужденности.

Был среди них и серый старый Базик, которому раньше достаточно было чуть оскалить зубы, чтобы Белый Клык покорно улепетывал от него куда-нибудь подальше. Теперь же он узнал о перемене, происшедшей с ним, и о своем развитии.

За год Базик стал слабее, а Белый Клык — сильнее и мужественнее.

При дележе убитого оленя на долю Белого Клыка достались копыто и часть голени с порядочным куском мяса. Пока другие собаки заводили неизменные драки между собою, он, забравшись за куст, принялся пожирать свою добычу, как вдруг Старый Базик набросился на него. Не успев даже сообразить в чем дело, Белый Клык дважды хватил зубами нахала и отскочил. Озадаченный отвагою и быстротою натиска противника, Базик стоял, глупо уставившись на Белого Клыка, а между ними лежала свежая кость оленя. Он только весь ощетинился и бросал свирепые взгляды то на кость, то на Белого Клыка.

Былой страх воскрес в Белом Клыке. Он помышлял уже об отступлении, но Базик сделал ошибку. Стоило бы ему еще постоять немного над костью, подняв голову вверх и сверкая глазами, и Белый Клык робко убрался бы восвояси. Но запах свежего мяса сильно щекотал ноздри старой собаки и заставил ее схватить зубами кость.

Белый Клык не выдержал. Его господство в течение нескольких месяцев над товарищами по запряжке отучило его от самообладания, и он уже не мог оставаться спокойным и смотреть равнодушно, как другие едят принадлежащее ему мясо. По своему обыкновению он без предупреждения кинулся на Базика. И с первым же укусом правое ухо Базика было разорвано в клочки, а сам он оцепенел от неожиданности. Но и все последующее, очень печальное для него, произошло столь же быстро и неожиданно. Он был сбит с ног; его горло было прокушено. Пока он старался сохранить равновесие, молодой противник прокусил дважды с поразительной быстротой его плечо. Базик напал было сам, но лишь слабо щелкал от ярости зубами. В последующий момент его нос был распорот, и он, пятясь, отстранился от мяса.

Теперь над мясом стоял Белый Клык, ощетинившись и сверкая угрожающе глазами, а Базик на приличном расстоянии готовился к отступлению. Он не рисковал больше продолжать борьбу с этим молодым, молниеносно нападающим противником и горько сознавал бессилие приближающейся старости. В его попытке сохранить свое достоинство было что-то героическое. Спокойно повернувшись спиною к молодому

победителю и оставшейся на земле кости, он величественно, как-будто и противник и кость недостойны были его внимания, удалился прочь. И лишь в уединенном месте он принялся зализывать свои раны.

Эта победа развила в Белом Клыке самоуверенность и гордость. Он выступал между взрослыми собаками с меньшею скромностью и перестал быть уступчивым. Не то, чтобы он вызывал их на ссору, совсем нет. Но он требовал уважения к себе и отстаивал свое право итти спокойно своею дорогою. Если собаки оставляли его в покое, то и он отвечал им тем же; и такое отношение после нескольких стычек было найдено всеми наиболее удобным.

В середине лета с Белым Клыком произошло неожиданное событие.

Пробираясь одиноко на конец лагеря, он неожиданно столкнулся с Кич. Он остановился и смотрел на нее. Он помнил ее смутно, но все-таки помнил, чего нельзя было сказать о ней. Ее сердито поднятая губа и угрожающее рычание прояснили его память. Он бросился радостно к матери, она же встретила его ударом клыка и раскроила до кости его скулу. Он ничего не понимал и, пораженный, сбитый с толку, отскочил назад.

Но Кич не была виновата. Волчица-мать никогда не поммнит своих волчат, которым исполнится год или больше. Она забыла Белого Клыка. Он был чужой для нее теперь, незнакомец, а ее новый выводок давал ей право относиться со злобою к его непрошенному вторжению.

Один из щенков подполз к Белому Клыку. Они были наполовину братьями, не зная этого. Белый Клык с любопытством обнюхал щенка, но Кич бросилась и вторично поранила его. Белый Клык отскочил еще дальше. Все старые воспоминания, проснувшиеся было в нем, померкли. Он смотрел на Кич, облизывавшую щенка и продолжавшую рычать. Теперь она не имела никакого значения для него.

Он все еще стоял в тупом недоумении, забыв последнее воспоминание о ней и удивляясь своему присутствию подле нее, когда она в третий раз бросилась на него, чтобы совсем прогнать его от своего места. И Белый Клык покорился изгнанию. Она была самка его породы, а, по закону этой породы, самцы не должны драться с самками.

Проходили месяцы. Белый Клык становился сильнее и тяжелее, а заодно становился все угрюмее, злее и необщительнее. Собаки убеждались с каждым днем, что жить с ним лучше в мире, чем во вражде, а Серый Бобр ценил его все больше.

Белый Клык страдал, однако, от одной слабости — он не выносил смеха над собою. Хохот был ненавистен ему. Когда люди смеялись между собою и над чем-нибудь посторонним, он не обращал внимания. Но чуть насмешка обращалась на него, он приходил в бешенство. Насмешка до такой степени выводила его из себя, что он на много часов превращался в злобного демона. И горе той собаке, которая попадалась ему в такие минуты.

Когда ему пошел третий год, великий голод посетил индейцев, живших на реке Мэккензи. Летом было мало рыбы, а зимою канадские олени покинули обычные места. Лосей оказалось очень скудное количество, кролики почти исчезли, хищные животные погибали. Лишенные мяса, ослабленные голодом, звери пожирали друг друга. Выживали только сильные. Хозяева Белого Клыка жили исключительно охотою. Старые и слабые из них умерли от голода. Плач стоял в лагере, где пища женщин и детей шла в желудки худых, истощенных охотников, бродивших по лесам в тщетных поисках мяса.

Люди дошли до такой крайности, что ели сырую кожу своих моккасин и рукавиц, а собаки грызли упряжь и даже бичи. Собаки ели друг друга, а люди ели собак. Сначала были с'едены слабейшие и негодные, и оставшиеся в живых собаки ждали своей очереди быть с'еденными. Несколько самых смелых собак покинули лагери и убежали в лес, где или умерли с голоду, или были с'едены волками.

Белый Клык тоже убежал в лес. Он был лучше других собак приспособлен к жизни в лесу, потому что привычки раннего детства руководили им. Особенно искусно он выслеживал мелкую дичь и мог часами следить из засады за движениями осторожной белки на дереве, выжидая с нетерпением, столь же огромным, как и мучивший его голод, когда белка решится спуститься на землю. Но и тогда Белый Клык не спешил. Он ждал до тех пор, пока мог уверенно напасть на белку и не дать ей снова уйти на дерево.

Но белок было мало, и он не мог наесться ими досыта. По временам голод становился настолько мучительным, что он принужден был выкапывать лесных мышей из их норок и раз даже не отказался вступить в бой с ласкою, столь же голодною, как и он сам, но во много раз более свирепою.

Однажды Белый Клык встретил молодого волка, тощего и ослабевшего. Если бы Белый Клык не был сам голоден, он мог бы уйти с волком в стаю к своим диким братьям. Но в припадке голода он напал на волка, убил и с'ел его.

Счастье благоприятствовало ему. Когда голод достигал крайних пределов, он все же ловил кое-какую добычу, самому же ему удавалось избегать встречи с крупными хищными животными во время сильного истощения и слабости. Однажды он только что подкрепил свои силы, питаясь в продолжение двух дней рысью, как голодная стая волков напала на него. Началась долгая, жестокая погоня; но он был сытее их, и они не догнали его. И он не только убежал от них, но, описав круг по их следу, подобрал одного из самых истощенных своих преследователей.

После этого он покинул эту часть страны и направился в долину, где родился. Здесь в прежнем логовище он нашел Кич. Она тоже убежала от негостеприимных костров и вернулась в свое убежище, чтобы здесь произвести на свет детей.

Встреча Кич со взрослым сыном была далеко не нежная. Но Белый Клык не обратил на это внимание. Он более не нуждался в матери. Поэтому, повертев философски хвостом, он побежал к потоку. На притоках он свернул налево, где нашел логовище рыси, с которою некогда сражался вместе с Кич. Здесь, в покинутом ею логовище, он остановился и отдыхал целый день.

Ранним летом, когда кончалась голодовка, он встретился с Лип-Липом, который тоже убежал в леса, где влачил жалкое существование. Белый Клык наткнулся на него неожиданно. Огибая с противоположных сторон утес, они очутились друг перед другом. Оба, испугавшись, остановились и подозрительно взглянули друг на друга.

Все совершилось крайне быстро. Лип-Лип попробовал отступить, но Белый Клык сшибся с ним плечом к плечу, опрокинул его на спину и прокусил горло. То была борьба на смерть, и Белый Клык торжествовал победу.

Вскоре после этого он пришел к опушке леса, откуда узкая полоса спускалась на Мэккензи. Он бывал здесь прежде, когда поляна была пуста, но теперь на ней был раскинут лагерь. Спрятавшись между деревьями, он некоторое время наблюдал за происходившим. Вид, звуки и запах были ему знакомы. Это был старый лагерь, перешедший на новое место. Теперь уж не было слышно ни плача, ни стонов. В воздухе пахло рыбою. Значит была пища, и голод прошел.

Он смело вышел из леса и направился прямо к палатке Серого Бобра. Серого Бобра не было дома, но Клу-Куч встретила его радостными криками и угостила только-что пойманною рыбою. Белый Клык улегся и стал ожидать прихода Серого Бобра.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА I

Враг своей породы

Если в натуре Белого Клыка и была какая-нибудь возможность хотя бы в отдаленном будущем сойтись на дружескую ногу с представителями своей породы, такая возможность исчезла после того, как его сделали вожаком запряжки. Отныне собаки возненавидели его, как раньше ненавидели Лип-Липа.

И Белый Клык взаимно ненавидел их. Хотя быть вожаком запряжки тоже кое-что значит, но эта честь не прельщала его. Ему нисколько не нравилось, что приходилось словно убегать от раз'яренной своры, которую он держал в повиновении уже три года. Но надо было выносить все это или погибнуть, а жизнь, бившая в нем ключом, вовсе не желала погибать. В тот момент, когда Мит-Сах отдавал приказ отправляться, все собаки запряжки с диким рычаньем бросались на Белого Клыка.

Защищаться было нельзя. Повернись он только к ним, Мит-Сах тотчас же огрел бы его своим больно бьющим, словно обжигающим бичом, и при том прямо в морду. Оставалось только убегать.

Каждой частицею своего тела он стремился наброситься на кричащую и преследующую его по пятам стаю, но, по воле богов, сделать это было нельзя, и для подкрепления этого закона был еще сбитый из внутренностей оленя тридцатифутовый бич. Оставалось только терпеть да копить ненависть и злобу сообразно с жестокостью и неукротимостью натуры.

Непохожий на других вожаков, которые во время привала и распряжки жмутся к человеку, Белый Клык не прибегал к такой защите. Он смело разгуливал по лагерю, наказывая ночью за все то, что вытерпел днем. Раньше, когда он

еще не был вожаком, все собаки приучались расступаться перед ним. Но теперь было не так. Возбужденные погоней, длившейся весь день, когда им казалось, что вот-вот настигнут его, они уже не хотели давать ему дорогу. И лишь он появлялся среди них, тотчас же поднималась драка. Его приближение везде отмечалось рычанием, визгом и лязганьем зубов. Самый воздух, которым он дышал, казалось, был пропитан ненавистью и злобою, и все это усиливало ненависть и злобу в нем самом.

Когда Мит-Сах при поездке кричал своей стае остановиться, Белый Клык повиновался. Вначале это производило замешательство между собаками. Все они набрасывались на ненавистного вожака, но тут дело принимало другой оборот: на сцену немедленно появлялся ожидающий бич Мит-Саха — и собаки научились понимать, что запряжка останавливалась по приказанию Мит-Саха и трогать Белого Клыка нельзя. Но если Белый Клык останавливался самовольно, тогда им разрешалось нападать и кусать его сколько угодно.

После нескольких подобных случаев Белый Клык перестал останавливаться без приказания. Он все усваивал быстро. Иначе он не мог бы выжить среди необычайно суровых условий, в которые поставила его жизнь.

Но собаки не могли научиться оставлять его в покое на привалах. Гонясь за ним целый день с презрительным лаем, они забывали преподанный им накануне ночной урок; и на следующую ночь урок возобновлялся, чтобы быть немедленно забытым.

Хорошо они заучили, что им всегда нужно держаться вместе. Белый Клык был страшен для одиночек. Они нападали на него всей сворой, иначе он загрыз бы их всех поодиночке в одну ночь. А теперь ему никак не удавалось убить их. Он мог сбить собаку с ног, но прежде чем ему удавалось прокусить мертвою хваткой ей горло, вся свора набрасывалась на него. При первом намеке на ссору вся запряжка соединялась и ополчалась на него. Собаки ссорились между собою, но все ссоры забывались, когда на сцену появлялся Белый Клык.

Но при всем старании и они тоже не могли уничтожить Белого Клыка. Он был слишком проворен, слишком страшен и умен. Он всегда успевал ускользнуть, когда вся свора стара-

лась окружить его. Ни одной собаке не удавалось сбить его с ног, что успешно проделывал он с ними. Его ноги так же крепко держались на земле, как он крепко держался за жизнь.

Итак, он стал врагом своей породы, этих прирученных волков, изнеженных под влиянием лагерного огня и ослабевших под охраною человека. Белый Клык был жесток и беспощаден. Он мстил всем собакам и так жестоко приводил в исполнение эту мысль, что даже Серый Бобр, сам жестокий дикарь, не мог не дивиться этой жестокости и беспощадности. Он клялся, что никогда еще не бывало столь свирепой собаки; и все чужие индейцы клялись в том же, припоминая рассказы об истребленных Белым Клыком собаках.

Белому Клыку было около пяти лет, когда Серый Бобр снова взял его с собою в дальнюю поездку. И долго потом жители селений вдоль Мэккензи, по другую сторону Скалистых гор и вниз к Юкону, вспоминали о том опустошении между собаками, какое произвел тогда Белый Клык.

Он стал опытным, расчетливым бойцом и никогда не тратил сил зря, никогда не сражался напрасно. Он быстро нападал, но, промахнувшись, так же быстро отступал. В нем сказывалась нетерпимость волка к борьбе вплотную. Он хотел быть свободным в движениях и стоять крепко на ногах, не прикасаясь к врагу.

Он обладал еще другим преимуществом — уменьем точно рассчитывать время и расстояние. Его глаз видел верно, а нервы так же верно передавали виденное мозгу. Таким образом, он мог увернуться от прыжка другой собаки или отклониться от ее клыков и в тот же момент уловить бесконечно малую долю секунды, чтобы нанести удар. Природа более щедро одарила его, чем других.

Было лето, когда Белый Клык прибыл в форт Юкон. Серый Бобр перешел позднею зимою гребень гор между Мэккензи и Юконом и всю весну охотился на западных отрогах Скалистых гор. После скрытия льда на Поркьюпайне он сделал челнок и спустился по реке до слияния ее с Юконом как раз под Полярным Кругом. Здесь стоял форт «Старой Компании Гудзонова Залива»; здесь много было индейцев, было много пищи и царило небывалое оживление.

Было лето 1898 года, и тысячи золотоискателей шли вверх по Юкону в Даусон и Клондайк*). Еще сотни миль оставались до цели их путешествия, а между тем многие из них находились в пути уже год. Пришедшие с ближайших мест сделали до пяти тысяч миль, но некоторые явились с другого конца света.

Здесь Серый Бобр остановился. Слух о золоте достиг и его ушей, и он приплыл сюда с несколькими тюками мехов, рукавицы и моккасин. Он не отважился бы на такую дальнюю поездку, если бы не рассчитывал на большой барыш. Но самые безумные его мечты не простирались дальше ста процентов прибыли; на самом же деле торговля давала тысячу процентов. Как настоящий индеец, он медленно и осторожно принялся за торговлю, хотя бы для распродажи товаров понадобилось остаться здесь на все лето и захватить часть зимы.

В форте Юкон Белый Клык впервые увидел белых людей. По сравнению с индейцами, которых он знал, они казались ему другою породою, породою высших богов, обладающих и высшим могуществом. Как в детстве его поражали размеры вигвамов, казавшиеся ему огромными, и он видел в них проявление могущества, так и теперь его воображение было поражено огромным фортом, домами, выстроенными из массивных бревен. Белые люди были сильны. Их власть была выше власти знакомых богов, самым могущественным из которых являлся Серый Бобр. Но и Серый Бобр был ребенком в сравнении с этими белокожими богами.

Сначала он относился к ним очень подозрительно. Он с любопытством наблюдал за ними, боясь в то же время быть замеченным. Затем он увидел, что они не причиняют никакого вреда находящимся подле них собакам, и он подошел ближе. В свою очередь он возбудил любопытство белых. Его наружность волка сразу бросилась им в глаза, и они указывали на него друг другу. Заметив это, Белый Клык насторожился, а когда к нему попробовали приблизиться, он оскалил зубы и попятился. Никому из белых богов не удалось положить на него руку, и это было очень хорошо для них.

---

*) Районы крайнего севера Америки, богатые месторождениями золота, привлекавшие в этот суровый край искателей наживы. «Компания Гудзонова Залива» была крупным предприятием по эксплоатации золотоносных районов.

Скоро Белый Клык узнал, что лишь немногие из белых (не больше десяти-двадцати) живут в этом месте. Через каждые два-три дня к берегу подходил пароход (другое поразительное доказательство их могущества) и останавливался на несколько часов. Белые люди выходили из этих пароходов и снова входили в них; казалось, что им числа нет. В первый же день он увидел их более, чем видел индейцев за всю свою жизнь.

Но если белые боги были всемогущи, то их собаки не годились никуда. Белый Клык скоро определил это по собакам, сходившим на берег со своими господами. Все они отличались друг от друга по виду и по росту. Одни из них были с короткими ногами, с очень короткими, другие же были длинноногие, очень длинноногие. Вместо пушистой шерсти у них были волосы, а у иных и волос было очень мало. И ни одна из них не умела драться.

Как враг своей породы, Белый Клык счел нужным затеять с ним драки, но, подравшись, преисполнился к ним глубокого презрения. Они были слабы и беспомощны, много лаяли и неуклюже возились, стараясь одолеть его только силою, между тем, как он брал хитростью и проворством. Они с лаем нападали на него, но он отпрыгивал в сторону и этим сбивал их с толку; в тот же момент он наскакивал на них, опрокидывал на спину и прокусывал горло.

Иногда первый же его удар был так удачен, что сшибленная собака каталась в пыли, и выжидавшая исхода битвы стая индейских собак набрасывалась и разрывала ее на части. Белый Клык был умен. Он знал, что люди очень сердятся, когда убивают их собак. И белые люди не составляли исключения. Поэтому он удовлетворялся лишь тем, что опрокидывал собаку и перегрызал ей горло, а затем убирался восвояси, предоставляя стае докончить его жестокое дело. И весь гнев прибегавших белых богов обрушивался на стаю, а Белый Клык оставался в стороне.

Грызня с собаками белых людей была для него развлечением, а затем стала занятием. Серый Бобр был погружен в свою торговлю, богатея от нее, и Белый Клык шатался от нечего делать около пристани с заслужившей позорную репутацию стаей индейских собак. С прибытием парохода начиналась потеха. Через несколько минут, пока белые люди

приходили в себя от изумления, стая разбегалась, и потеха прекращалась до следующего парохода.

Не требовалось особенных усилий для того, чтобы вызвать ссору. Стоило только ему показаться чужим собакам, сошедшим на берег, как они тотчас набрасывались на него. Он был для них дикарь, нечто незнакомое, угрожающее и ужасное.

Являясь из мягкого южного мира прямо с парохода на берег Юкона, эти собаки при виде Белого Клыка чувствовали непреодолимое желание наброситься и уничтожить его.

Но все это доставляло ему только удовольствие. Если один его вид заставлял чужих собак кидаться на него, тем хуже это было для них и тем лучше для него. Те смотрели на него, как на законную добычу, и он смотрел на них, как на свою законную добычу.

Недаром увидел он впервые свет в уединенном логовище и выдержал первые свои битвы с глухарем, ласкою и рысью. Белый Клык превратился в угрюмого, жестокого и мрачного ненавистника всей своей породы.

ГЛАВА II

Сумасшедший бог

В форте Юкон жило небольшое число белых, но они жили в этой стране очень давно, называли себя «кислым тестом» и очень гордились своим прозвищем. Старожилы форта презирали новых пришельцев и радовались, когда с теми случалось какое-либо несчастье. Особенно были они довольны тем опустошением, какое Белый Клык и свирепая стая индейских собак производили между собаками пришельцев. Едва подходил пароход, как старожилы спешили на берег, чтобы насладиться потехою.

Одному из жителей форта этот спорт доставлял особенное удовольствие. Когда во время схватки изнеженная собака с юга падала, испуская предсмертный крик под клыками стаи, он не мог сдержать себя — он подпрыгивал и визжал от удовольствия. И всегда при этом пристально и жадно глядел на Белого Клыка.

Человека этого жители форта звали «Красавец». Никто не знал его настоящего имени, и за ним укрепилась в стране кличка «Красавец Смит», хотя он был чем угодно, только не

красавцем. Природа далеко не щедро обошлась с ним при его рождении. Он был мал ростом, и на тщедушном теле сидела поразительно маленькая голова, похожая на конус, обращенный вершиною вниз. Расширяясь от шеи, его голова переходила в необыкновенно широкий лоб, под которым большие глаза были расставлены очень далеко друг от друга. Необычайно развитая огромная челюсть свешивалась, казалось, прямо на грудь, придавая лицу «Красавца» выражение свирепой решимости. Между тем, Красавец Смит был известен за самого раболепного и плаксивого труса. Чтобы закончить описание, следует упомянуть о больших желтых зубах, из которых коренные зубы были больше других и выступали из-под тонких губ наподобие клыков. Его глаза были грязно-желтого цвета, как-будто природа для окраски их смешала остатки от всех красок. То же самое можно было сказать и о грязно-желтых волосах, росших на голове и по всему лицу в виде отдельных пучков и кустиков, на манер растрепанной ветром пшеницы.

Короче, Красавец Смит был уродом. В форте он занимал должность повара, судомойки и исполнял всякую грязную работу. Но его не презирали, а относились к нему довольно снисходительно, как к существу, обиженному природою. Его даже побаивались. Его трусость и злопамятность заставляли ожидать от него и выстрела в спину и отравы в кушанье. Но кто-нибудь должен же был стряпать, а при всех своих недостатках Красавец Смит умел хорошо готовить.

Вот каков был человек, восхищавшийся свирепою храбростью Белого Клыка и мечтавший приобрести его. Он старался расположить к себе Белого Клыка, но тот не обращал на него внимания. Позже, когда подходы со стороны Смита стали настойчивее, Белый Клык оскаливал зубы и пятился от него. Ему не нравился этот человек. Он чуял в нем что-то дурное и злое, боялся его протянутой руки и за все это ненавидел его. Белый Клык чуял зло в Красавце Смите, от уродливого тела которого, подобно испарениям гнилого болота, исходило что-то нездоровое.

Белый Клык был дома, когда к Серому Бобру в первый раз пришел Красавец Смит.

При одном звуке его шагов, еще прежде, чем он показался, Белый Клык уже знал, кто идет, и весь ощетинился.

Он лежал, наслаждаясь отдыхом, но быстро поднялся и, едва Смит вошел, он незаметно пробрался на конец становища. Он не знал, конечно, о чем говорилось, но видел, что Серый Бобр и пришедший человек о чем-то говорили. Раз пришедший указал рукою на него, и Белый Клык издали зарычал, словно рука «Красавца» уже опускалась на него. Человек засмеялся, а Белый Клык побежал в соседний лес и стал осторожно наблюдать оттуда.

Серый Бобр отказался продать собаку. Он разбогател от торговли и не нуждался ни в чем. Белый Клык был ценное животное, сильнейшая из всех собак в запряжках и лучший вожак. Другой такой собаки не было ни на Моккензи, ни на Юконе. Белый Клык мастер драться, и он убивал других собак так же легко, как люди убивают комаров (глаза Смита заблестели при этом, и он облизнул свои тонкие губы).

— Нет, Белого Клыка он, Серый Бобр, не продаст ни за какие деньги.

Но Красавец Смит хорошо знал натуру индейца. Он стал часто посещать Серого Бобра, принося под платьем бутылку виски *). Особенность виски, между прочим, возбуждать жажду. Серый Бобр стал чувствовать жажду. Его обожженный желудок и воспаленные внутренности все более и более требовали жгучей жидкости, а возбужденный мозг был готов ради нее на всякие уступки. Деньги, вырученные за меха, рукавицы и моккасины, уходили и уходили, а чем больше пустел мешок, где они хранились, тем злее становился Серый Бобр.

Наконец и деньги, и товары, и даже злость — все ушло. Осталась одна жажда, неутолимая жажда. Тогда-то Красавец Смит опять завел речь о продаже Белого Клыка, но на этот раз предлагал в уплату несколько бутылок виски, и Серый Бобр принял предложение благосклонно.

— Поймай собака — твой собака, — были его заключительные слова.

Серый Бобр опорожнил бутылки, но через два дня слова: «Поймай собака» говорил уже Красавец Смит.

Раз вечером Белый Клык прибежал в становище. Едва Белый Клык лег, как Серый Бобр, пошатываясь, подошел

---

*) Виски — крепкий спиртной напиток на манер водки.

к нему и обвязал ремень вокруг его шеи. Индеец сел подле Белого Клыка, держа конец ремня в руке. В другой руке была бутылка, которую время от времени он запрокидывал над головой, производя при этом булькающие звуки.

Так прошел час, и послышались чьи-то шаги. Белый Клык услыхал их первый и весь ощетинился, а Серый Бобр бессмысленно клевал носом. Белый Клык попробывал тихонько вытащить ремень из рук хозяина, но ослабевшие было пальцы сжались крепче, и Серый Бобр проснулся.

Красавец Смит вошел и остановился перед Белым Клыком. Тот заворчал на врага, зорко следя за движением его рук, из которых одна протянулась и стала опускаться над его головой. Рычание делалось громче и сердитее. Рука продолжала медленно опускаться, а Белый Клык пригибался к полу все ниже и злобно глядел на нее. Рычанье стало особенно громко. Внезапно Белый Клык бросился и цапнул зубами, но рука отдернулась еще быстрее, и зубы щелкнули в воздухе. Красавец Смит испугался и рассердился. Серый Бобр ударил по голове Белого Клыка, и тот опять низко пригнулся с видом почтительной покорности.

Красавец Смит ушел и вернулся с толстою палкою. Тогда ремень из рук Серого Бобра перешел в руки Красавца Смита, и он пытался уйти. Но Белый Клык уперся, и ремень натянулся. Серый Бобр стал наносить ему кулаком удары и заставлял итти. Белый Клык повиновался, но вдруг бросился на чужого человека, который хотел увести его. Красавец Смит не отскочил; он ждал этого нападения. Он ловко взмахнул палкою, остановил прыжок на полпути и ударом уложил Белого Клыка на пол. Серый Бобр одобрительно засмеялся. Красавец Смит потянул опять за ремень. И ошеломленный Белый Клык, хромая, пошел за ним.

В форте Красавец Смит крепко привязал волка и улегся спать. Белый Клык прождал с час. Тогда он принялся за ремень. Он быстро действовал зубами и через десять секунд был свободен. Ремень был перегрызен так чисто, как-будто перерезан острым ножом. Белый Клык посмотрел на форт, злобно рыча, повернулся и побежал в палатку Серого Бобра. Он не был обязан повиноваться чужому и страшному человеку. Он отдал себя Серому Бобру и считал себя принадлежавшим ему одному.

Серый Бобр снова привязал его ремнем и утром вновь передал его Красавцу Смиту. Вот тут-то и произошло иное. Красавец Смит задал ему баню. Прочно привязанный Белый Клык мог лишь бесноваться да выносить удары. Палка и бич действовали попеременно; так жестоко его не били за всю жизнь. Даже порка, заданная ему Серым Бобром в дни детства, не могла сравниться с этим избиением.

Красавец Смит действовал с наслаждением. Он жадно глядел на свою жертву, и его глаза светились тусклым огнем в то время, когда опускался бич или палка и раздавался визг беспомощного Белого Клыка.

После избиения Белого Клыка потащили обратно в форт, и на этот раз Красавец Смит привязал его к палке.

Ночью, когда люди в форте заснули, Белый Клык принялся грызть удерживавшую его палку, которая была так плотно привязана к его шее, что он едва мог достать ее зубами. Лишь после сильнейшего напряжения мускулов и изогнув до крайности шею, он смог достать зубами палку. Чтобы разгрызть ее, понадобилось безмерное терпение нескольких часов. Рано утром он докончил свое дело, и с концом палки, висевшим у шеи, ушел из форта.

Белый Клык был умен. И будь он только умен, он не пришел бы опять к предавшему его дважды Серому Бобру. Но в нем была верность, и он вернулся, чтобы его предали в третий раз. Снова он дозволил Серому Бобру обвязать ремень вокруг шеи, и снова Красавец Смит пришел за ним. На этот раз его избили еще сильнее, чем прошлый раз.

Серый Бобр тупо смотрел, как белый человек управлялся с хлыстом. Он не заступился, потому что Белый Клык не был теперь его собакой. Когда избиение кончилось, Белый Клык едва дышал. Нежная собака с юга издохла бы, но он выдержал. Он был изумительно живуч, он крепко держался за жизнь. Но все же он был еле жив. Вначале он даже не мог итти, и Красавец Смит должен был ждать полчаса, пока Белый Клык, пошатываясь и ничего не видя, побрел за ним в форт.

Теперь его привязали на цепь. Цепь не поддавалась зубам и он напрасно старался оторвать от доски скобку, к которой прикрепили цепь. Несколько дней спустя протрезвившийся и разорившийся Серый Бобр отправился в долгий путь

вверх по Поркьюпайну до Мэккензи, а Белый Клык остался на Юконе во власти наполовину сошедшего с ума и вполне озверевшего человека. Но что может знать собака о сумасшествии? Для Белого Клыка Красавец Смит был настоящим и страшным богом. В лучшем случае это был сумасшедший бог, но Белый Клык ничего не знал о сумасшествии. Он только знал, что должен подчиняться воле своего нового властелина и исполнять всякую его прихоть и причуду.

ГЛАВА III

Царство ненависти

Под опекою сумасшедшего «Красавца» Белый Клык сделался сущим исчадием ада. Его держали на цепи в сарае, позади форта, и здесь Красавец Смит злил, раздражал и доводил его до неистовства всякими способами; он как-то открыл, что Белый Клык не выносит насмешек над собою, и, измучив его, он неизбежно заканчивал пытку смехом, презрительным и полным издевательства. При этом, глумясь, он указывал пальцем на Белого Клыка. В такие минуты разум покидал совершенно Белого Клыка, и в припадке ярости он казался даже более сумасшедшим, чем Красавец Смит.

Прежде Белый Клык был жестоким врагом только своей породы. Теперь он стал врагом всех и всего существующего. Он был измучен до такой степени, что ненавидел все слепо и без малейшего проблеска разума. Он ненавидел цепь, к которой был привязан, людей, глазевших на него сквозь щели сарая, собак, сопровождавших этих людей и злобно рычавших при виде его беспомощности. Ненавидел деревянные стены сарая, но более всего, до бесконечности, ненавидел Красавца Смита.

Но Красавец Смит, поступая так с Белым Клыком, преследовал определенную цель. Однажды несколько человек собралось вокруг сарая. В сарай вошел Красавец Смит с палкою в руке и снял цепь с шеи Белого Клыка. Как только хозяин вышел, Белый Клык начал метаться по сараю, стараясь добраться до людей, обступивших сарай. Пяти футов в длину и вышиною в два с половиною фута, он был гораздо тяжелее волка соответствующего размера. От своей матери он унаследовал плотное сложение собаки и весил больше девяноста

фунтов, при чем в нем совсем не было жира. Он весь состоял из мускулов, костей и сухожилий и представлял собою великолепный организм, созданный для боя.

Дверь сарая приотворилась, Белый Клык перестал метаться. Готовилось что-то необыкновенное. Он выжидал. Дверь открылась больше. В сарай втолкнули огромную собаку, и дверь за нею захлопнулась. Белый Клык никогда не видал такой собаки (она была меделянской породы), но свирепый вид и размер непрошенной гостьи нисколько не задержали его. Перед ним было живое существо, на котором можно сорвать свою злость. Он прыгнул и быстрым ударом клыков разорвал собаке шею. Та затрясла головою, хрипло зарычала и бросилась на Белого Клыка. Но Белый Клык носился то туда, то сюда, всегда ускользая и успевая наносить неожиданные удары клыками.

Люди снаружи шумели и аплодировали. Красавец Смит, захлебываясь от восторга, не сводил глаз с кровопролитного зрелища. С самого начала для меделянской собаки не было надежды на благополучный исход: она была слишком тяжела и неповоротлива. Наконец, Красавец Смит отогнал палкою Белого Клыка, а меделянскую собаку вытащил из сарая ее владелец. Проигравшие уплатили пари, и деньги зазвенели в руке Красавца Смита.

С того дня Белый Клык привык нетерпеливо ждать, чтобы люди собрались кругом его сарая. Это означало, что будет борьба, то-есть возможность беспрепятственно излить всю ярость, которая накоплялась в нем. Белый Клык неизменно оказывался победителем. Однажды к нему впустили трех собак, одну за другою; другой раз впихнули в дверь сарая взрослого, только что пойманного волка, потом напустили на него сразу двух собак. И это была отчаянная битва, в которой он хотя и убил обоих псов, но сам был изранен до полусмерти.

Поздно осенью, когда выпал первый снег и по реке поплыло ледяное сало, Красавец Смит взял для себя и для Белого Клыка место на пароходе, отправлявшемся из Юкона в Даусон. Белый Клык уже приобрел известность по всей стране, а потому клетка «боевого волка», как его теперь звали, осаждалась на палубе парохода любопытными. Он грозно

рычал на зрителей или спокойно лежал и смотрел на них с холодною ненавистью. Жизнь сделалась адом для него.

Он стал более свирепым, чем был по натуре. Тем не менее, природа дала ему способность приспособляться. Там, где многие другие животные умерли бы или пришли бы в отчаяние, он приспособился и жил.

В Красавце Смите и в Белом Клыке сидели два дьявола, ненавидевшие друг друга. Раньше Белый Клык был настолько благоразумен, что смирялся и покорялся человеку с палкою. Теперь благоразумие покинуло его. Один вид Красавца Смита приводил его в бешенство; и когда они сцеплялись и палка оттоняла Белого Клыка, он отступал, весь ощетинившись, рыча и оскаливая зубы. И рычание уже не прекращалась, как бы сильно ни действовала палка, рычание все усиливалось, а когда Красавец Смит, пятясь, удалялся, Белый Клык не отставал от него и бросался на прутья клетки, выражая яростью свою ненависть.

Когда пароход прибыл в Даусон, Белый Клык был высажен на берег. Но и там он продолжал сидеть в клетке, и любопытные постоянно теснились около него.

Его показывали под названием «боевого волка», и люди платили по пятидесяти центов в золотом песке за то, чтобы поглядеть на него. Его не оставляли в покое ни на минуту. Если он засыпал, его тотчас же будили заостренною палкою, чтобы зрители не теряли даром денег. А чтобы зрелище выходило как можно интереснее, его постоянно держали в состоянии бешенства.

Но главным образом его употребляли, как профессионального бойца. В различное время, лишь являлась возможность устроить борьбу, его брали из клетки и вели в лес за несколько миль от города. Обычно это происходило ночью, для того, чтобы избежать вмешательства полиции. При восходе солнца появлялись зрители и собака, предназначенная для борьбы. Белому Клыку приходилось драться с собаками всевозможных пород и размеров.

Он же ни разу не был побежден. Выручала его молниеносная быстрота, которая давала ему поразительное преимущество над противниками. Даже самым опытным собакам не приходилось встречать столь увертливого и быстрого со-

перника. Он ошеломлял их своей внезапной атакой. Белый Клык, как всегда, не выжидал обычных собачьих приготовлений к борьбе — ворчания, оскаливания зубов, вз'ерошивания шерсти дыбом. Он мгновенно опрокидывал противника на землю, и все оканчивалось прежде, чем тот вступал в борьбу или приходил в себя от изумления.

Самое же большое преимущество Белого Клыка заключалось в его опытности, какой не имелось ни у одной собаки. Ему приходилось драться всех чаще; он знал множество увертов и выработал особенные приемы, лучше которых нельзя было ничего придумать.

Драки с собаками стали устраиваться все реже. Люди потеряли надежду найти ему равного соперника, и Красавец Смит принужден был выпускать против него волков. Индейцы ловили их капканами для этой цели, и борьба Белого Клыка с волком постоянно привлекала огромную толпу. Однажды удалось заполучить взрослую рысь-самку, и Белому Клыку пришлось серьезно отстаивать свою жизнь, так как в проворстве рысь не уступала ему, а в свирепости они были равны, но, кроме того, он мог защищаться только зубами, рысь же, кроме зубов, пускала в ход и острые когти.

После рыси борьба с Белым Клыком прекратилась, потому что больше не находилось подходящих животных. Поэтому его выставляли напоказ публике вплоть до весны, когда некто Тим-Кинан, содержатель игорного дома, приехал в страну, а с ним появился первый в Клондайке бульдог.

С этим бульдогом неизбежно должен был померяться силами Белый Клык, и толки о предстоящей схватке целую неделю волновали город.

ГЛАВА IV

Мертвая хватка

Красавец Смит снял цепь с его шеи и отступил.

На этот раз Белый Клык не начал немедленно атаки. Он стоял насторожив уши, внимательно всматриваясь в стоявшее перед ним странное животное. До сих пор ему не приходилось видеть такую собаку. Тим-Кинан спустил бульдога и пробормотал: «Возьми его!». Короткое, приземистое, не-

уклюжее животное проковыляло к центру круга и, моргая глазами, остановилось против Белого Клыка.

Из толпы поднялись крики:

— Возьми его, Чероки! Загрызи его!

Но Чероки, казалось, не особенно стремился к драке. Он повернул голову, смотрел, помаргивая, на кричавших людей и добродушно махал обрубком хвоста. Он не боялся, но ему было лень драться.

Тим-Кинан вошел в круг и наклонился над Чероки, поглаживая против шерсти его спину и бока и слегка подталкивая вперед. Эти движения, очевидно, подстрекали и раздражали бульдога, потому что глухие, ворчливые звуки послышались где-то глубоко у него в горле.

Это рычание не осталось без воздействия на Белого Клыка, у которого на затылке и на плечах вз'ерошилась шерсть. Тим-Кинан дал заключительный толчек бульдогу и отступил, а тот уже по собственной воле заковылял вперед на своих кривых, но очень быстрых ногах. Тогда Белый Клык бросился на него. Крик восхищения вырвался у толпы. С легкостью кошки он перепрыгнул расстояние, отделявшее его от бульдога, с тем же кошачьим проворством нанес ему удар клыками и мигом отскочил.

Кровь потекла из уха и толстой шеи бульдога, но тот, не обратив внимания на это и не зарычав, повернулся и побежал вдогонку за Белым Клыком. Выказанные с одной стороны быстрота, а с другой стойкость, разожгли страсти игроков. Заключались новые пари и увеличивались первоначальные ставки. Не раз еще бросался Белый Клык на врага, кусал его и отскакивал невредимым, а его странный противник продолжал бежать за ним не слишком скоро, но и не медленно — спокойно, решительно, с деловитым видом.

Каждое его движение, каждый шаг были отмечены стремлением к неизвестной цели, и это сбивало с толку Белого Клыка. Он никогда не видал подобной собаки. Ее кожа с короткой шерстью была мягка и податлива для укусов. Не было толстого мехового панцыря, непроницаемого для зубов, какой бывает у представителей той породы, которую знал и к которой сам принадлежал Белый Клык. К тому же собака совсем не визжала, как это делали обыкновенно все другие собаки во время схватки. Бульдог молча переносил боль,

и ничто не могло, казалось, остановить его преследования. Чероки вовсе не был неповоротлив. Он мог оборачиваться, кружиться и нападать довольно быстро, только Белый Клык всякий раз увертывался, и это озадачивало бульдога. Ему тоже ни разу не приходилось драться с такою собакой, которая решительно не подпускала к себе, все время держалась на далеком расстоянии, прыгала туда и сюда и ускользала от него. Когда же эта необычайная собака сама вцеплялась в бульдога зубами, то не держала его, а тотчас выпускала и отталкивала.

Белый Клык продолжал налетать на него и отскакивать без единой царапины, между тем, как у бульдога количество ран все увеличивалось. Обе стороны шеи и головы были у него истерзаны, и из ран обильно текла кровь; но, повидимому, это ни мало не тревожило его. Он продолжал свое упорное преследование и только раз, совершенно озадаченный, приостановил на минуту свой бег, посмотрел, моргая, на людей и замахал обрубком хвоста, как бы в знак того, что нисколько не отказывается драться.

Время шло. Белый Клык продолжал плясать, прыгать, поворачиваться, постоянно нанося удары, а бульдог с мрачною уверенностью попрежнему старался догнать его. Рано или поздно он должен был добиться цели и, вцепившись, выиграть битву. Пока же он переносил терпеливо все нападения противника. Остатки его ушей превратились в бахрому, шея и плечи покрылись множеством ран, и даже из разорванных губ струилась кровь — все от тех быстрых нападений Белого Клыка, которых нельзя было предвидеть и от которых нельзя было спастись.

Не один раз пытался Белый Клык опрокинуть Чероки, но разница в их росте была очень велика; Чероки был слишком коренаст, слишком приземист. Белый Клык пытался применить свой обычный прием. Случай представился, когда Чероки повернул голову и выставил плечо. Белый Клык бросился на него с такою стремительностью, а сам он сравнительно с Чероки был так велик, что скоростью движения он был переброшен через тело противника. И в первый раз за все время его боевой жизни зрители увидели, что Белый Клык не устоял на ногах. Тело его перевернулось в воз-

духе, и он упал бы прямо на спину, если бы не перевернулся еще раз, как кошка, стараясь встать на ноги. При падении он тяжело ударился боком, и хотя в следующее мгновение был опять на ногах, но зубы Чероки уже сжали его горло.

Это не была настоящая схватка, так как зубы вцепились слишком низко, у груди, но Чероки крепко держался. Белый Клык вскочил на ноги и, дико кружась, пытался сбросить тело бульдога. Он впал в ярость от этой вцепившейся, волочащейся тяжести. Она связывала его движения, лишала его свободы. Это напоминало капкан, и весь инстинкт в Белом Клыке раз'ярился против такого капкана. Это было безумное возмущение. На несколько минут он совершенно лишился рассудка. Жажда жизни поглотила все чувства. Разум угас, как-будто его вовсе не было. Все обратилось в слепое стремление тела существовать и двигаться, во что бы то ни стало двигаться, потому что только движением проявляется жизнь. Он кружился, скакал, вертелся, пытаясь сбросить груз в пятьдесят фунтов, который повис у его горла. Бульдог не двигался и не разжимал челюстей. Изредка ему удавалось касаться ногами земли и оказывать на секунду сопротивление Белому Клыку. Но в следующий миг ноги снова теряли опору, и вместе с круговым движением обезумевшего Белого Клыка он кружился по воздуху и по земле. Чероки знал, что теперь его обязанность крепко держаться зубами за шею врага. Хватка прежде всего, а ему удалось, наконец, этого достигнуть.

Белый Клык остановился только тогда, когда выбился из сил. Ничего подобного не случалось с ним за всю его боевую жизнь. Он прилег к земле и тяжело дышал. Выпуклая спина Чероки была единственным местом, куда могли достать зубы Белого Клыка. Он судорожно кусал и рвал клыками мясо Чероки. Но бульдогу удалось перевернуть его на спину, и, не выпуская ни на секунду его горло, Чероки теперь стал над Белым Клыком, как кошка. Белый Клык подогнул свои задние лапы под брюхо врага, и его длинные когти принялись царапать бульдога. Брюхо Чероки было распорото, если бы он не переменил положения и не очутился под прямым углом над лежавшим противником, все не выпуская его горла.

Избавиться от этой мертвой хватки не было возможности. Она была неумолима, как судьба, и все выше подбиралась к шейной артерии. Белого Быка спасали пока от смерти широкие складки кожи и толстый слой шерсти на шее: они превращались под челюстями Чероки в валик и препятствовали зубами проникать глубоко в тело. Но мало-по-малу, при каждом удобном случае, Чероки забирал в рот все больше и больше складок кожи. Белый Клык начал задыхаться.

Борьба, повидимому, приближалась к развязке. Сторонники Чероки торжествовали; поставившие за Белого Клыка были, напротив, удручены и отказывались от пари в десять против одного и в двадцать против одного. Лишь один не побоялся принять пари в пятьдесят против одного. Это был сам Красавец Смит. Он подошел к арене и, указывая пальцем на Белого Клыка, стал хохотать насмешливо и презрительно. Белый Клык совсем обезумел от ярости. Он собрал весь остаток сил и поднялся на ноги. Но когда он заметался по арене со своим грузом у горла в пятьдесят фунтов весом, его ярость перешла в панику. Жажда жизни проснулась с новою силою, и рассудок отступил перед голосом тела. Кружась и кружась, спотыкаясь и падая, потом снова поднимаясь, он носился по арене; по временам он вставал на задние лапы и поднимал за собою врага от земли; но всякая попытка стряхнуть его была напрасна: бульдог вцепился прочно, как смерть.

Наконец, в полном изнеможении Белый Клык тяжело рухнул, и Чероки быстро переменил зажим, забирая в рот все больше кожи и все больше сдавливая горло Белого Клыка. Гром аплодисментов приветствовал бульдога, как победителя. Бульдог отвечал легким помахиванием обрубка хвоста, но гром похвал не отвлекал его внимания. Хвост мог двигаться, а челюсти одеревянели, стискивая горло Белого Клыка.

В это время звон колокольчиков и крики погонщиков собак отвлекли внимание зрителей. За исключением Красавца Смита все тревожно оглянулись: так велик был их страх перед полицией. Но приехавшие двое мужчин направлялись не из города, а в город. При виде толпы они остановили собак и подошли узнать в чем дело. У погонщика были усы. Дру-

гой рослый молодой человек, был гладко выбрит, и его лицо зарумянилось на морозе.

Белый Клык уже перестал бороться. По временам он только судорожно, безуспешно сопротивлялся. Он с трудом втягивал в себя воздух, и дыхание его становилось все короче и труднее под неумолимой хваткой врага. Несмотря на густой мех, его вена на горле давно была бы перекушена, если бы вначале бульдог не схватил зубами слишком низко. Попытки продвинуться вверх отняли много времени, и Чероки набрал себе в рот слишком много шерсти и складок кожи.

Когда Красавец Смит увидел, что глаза Белого Клыка становятся стеклянными, он понял, что битва проиграна. Словно сорвавшись с цепи, он подскочил к Белому Клыку и стал дико топтать его ногами. Крики протеста и негодования послышались в толпе, но этим все ограничилось. Красавец Смит продолжал неистово топтать Белого Клыка, когда только-что прибывший высокий человек, бесцеремонно расталкав всех направо и налево, пробился сквозь толпу. Он вошел на арену как раз в тот момент, когда Красавец Смит заносил ногу для удара. В этот миг кулак незнакомца опустился со всей силой ему прямо в лицо. Стоявшая на земле нога Красавца Смита подскочила в воздухе, а все тело взлетело вверх и, перекувырнувшись, растянулось на снегу.

Красавец Смит поднялся на ноги и, сопя от трусости, подошел к незнакомцу, но второй удар вновь свалил его на землю. Красавец Смит решил, что лежать в снегу всего безопаснее для него, и уже не делал попыток подняться.

— Подойдите, Матт, помогите мне, — обратился высокий к погонщику, который тоже пробирался на арену.

Оба наклонились над собаками. Матт приподнял Белого Клыка, чтобы оттащить его от челюстей Чероки. Молодой человек пытался разжать челюсти руками, но все его усилия были напрасны.

— Бесполезно, мистер Скотт, вы их так никогда не растащите, — сказал, наконец, Матт.

Оба молча глядели на собак.

— Крови вышло немного, — продолжал Матт, — жила еще не прокушена.

— Но это может случиться каждый момент, — возразил Скотт. — Видите, бульдог подбирается все выше.

Он принялся бить по голове Чероки, но тот не разжимал челюстей, только помахивал обрубком хвоста.

Скотт достал из кобуры револьвер и просунул дуло между сжатыми челюстями бульдога. Слышно было, как заскрипели зубы собаки. Тим-Кинан пробрался на арену. Он остановился позади Скотта и, дотронувшись до его плеча, сказал угрожающе:

— Не сломайте ему зубов!..

— В таком случае я сломаю ему шею, — ответил Скотт, продолжая просовывать дуло револьвера в пасть бульдога.

— Я говорю, не сломайте ему зубов! — повторил антрепренер игорного дома более угрожающе, чем прежде.

Но если он рассчитывал запугать высокого незнакомца, то ему это не удалось. Скотт не обращал на него никакого внимания. Ему удалось просунуть дуло между зубами с одной стороны. И теперь он пытался просунуть его дальше, насквозь. Сделав это, он начал осторожно раздвигать челюсти бульдога, а Матт в это время понемногу освобождал шею Белого Клыка.

— Возьмите свою собаку, — сказал Скотт собственнику бульдога.

Тот послушно нагнулся и схватил бульдога.

— Тащите, — скомандовал Скотт, окончательно разжимая челюсти.

Собак растащили, при чем бульдог отчаянно сопротивлялся.

— Уведите его, — распорядился Скотт, и Тим-Кинан уволок бульдога в толпу.

Белый Клык сделал несколько бесплодных усилий подняться. Раз ему это удалось, но ослабевшие ноги не выдержали, и он снова опустился на снег. Матт внимательно осмотрел его.

— Чуть не околел, — заявил он, — но теперь дыхание правильное.

Красавец Смит решился, наконец, стать на ноги и подошел посмотреть на Белого Клыка.

— Матт, сколько стоит хорошая упряжная собака? — спросил Скотт.

— Триста долларов.

— А сколько можно дать за искалеченную до такой степени, как эта?

— Половину, — решил погонщик.

Скот обратился к Красавцу Смиту:

— Слушайте, как вас... Я согласен купить собаку за полтораста долларов.

К Красавцу Смиту вернулась обычная наглость. Он с независимым видом заложил руки за спину.

— Собака не продается!

Скотт молча подошел к нему и поднял кулак.

— Возьмете деньги?..

— Хорошо... — испуганно пробормотал Красавец Смит.

Скотт отсчитал деньги, повернулся спиною к Красавцу Смиту и возвратился к погонщику, который все еще возился с Белым Клыком.

ГЛАВА V

Неукротимый

— Безнадежно, — признался Видон Скотт.

Он сидел на ступеньках своей хижины и смотрел на погонщика собак, который тоже с безнадежным видом пожал плечами.

Оба взглянули на Белого Клыка. Злобно ощетинившись, он рвался на цепи, стараясь достать до упряжных собак. Получив несколько уроков от Матта, подкрепленных палкою, собаки научились оставлять Белого Клыка в покое и теперь лежали на порядочном расстоянии от него, не обращая на него никакого внимания.

— Он волк, и его не приучишь, — заявил Видон Скотт.

— Не знаю, волк он или собака, но он уж был ручным.

— Не может быть!

— А я говорю, что был, и его запрягали. Разве вы не видите следов на груди?

— Вы правы, Матт. Он возил сани, прежде чем попал к Красавцу Смиту.

— Почему бы не сделаться ему опять упряжной собакою?

— Вы думаете? — радостно сказал Скотт. Но его надежда угасала, и он прибавил, качая головой: — Он у нас уже две недели и за это время стал более диким, чем прежде.

— Попытаемся спустить его с цепи, — сказал Матт.

Скот посмотрел на него с недоумением.

— Ну, что ж, попробуйте!

Погонщик взял палку и пошел к Белому Клыку, который следил за палкою, как лев за хлыстом укротителя.

— Смотрите, он не сводит глаз с палки, — сказал Матт. — Это добрый признак. Он не глуп. Он не тронет меня, пока у меня в руках палка. Он совсем не бешеный.

Когда рука человека приблизилась к его шее, Белый Клык ощетинился, зарычал и пригнулся к земле. Матт отстегнул цепь и отступил.

Белому Клыку не верилось, что он свободен. Он был озадачен. Во всяком случае, он далеко обошел наблюдавших за ним людей и отошел за угол хижины. Но ничего не случилось. Он был совсем сбит с толку, вернулся обратно, остановился за десяток шагов и стал пристально смотреть на обоих людей.

Скотт ушел в хижину и вернулся с куском мяса, который бросил Белому Клыку. Тот отскочил и смотрел подозрительно издали.

— Прочь, Майор! — закричал сердито Матт, но было уже поздно.

Собака бросилась к мясу, но в тот же момент Белый Клык прыгнул на нее и сбил с ног. Матт бросился к ним, но Белый Клык был проворнее. Майор поднялся на ноги, и кровь, хлынувшая у него из горла широкою струею, обагрила снег.

Нога Матта уже готовилась ударить Белого Клыка. Последовали прыжок, щелканье зубов. Свирепо рыча, Белый Клык отскочил на несколько ярдов, в то время как Матт рассматривал со вниманием свою ногу.

— Здорово цапнул! — заявил он, указывая на разорванные штаны и нижнее белье и на все шире расходившееся красное пятно.

— Я говорил вам, Матт, что он безнадежен, — сказал обескураженный Скотт. — Я уже думал и так и сяк и ничего не мог придумать. Остается одно...

Он медленно вынул револьвер и осмотрел заряды.

— Послушайте, Скотт, — возразил Матт, — ведь эта собака испытала все муки ада и нельзя требовать, чтобы она стала сразу ангелом. Дайте время.

— Поглядите, что с Майором...

Раненая собака при последнем издыхании лежала на снегу в луже крови.

— Он это заслужил, — продолжал погонщик. — Он хотел отнять мясо у Белого Клыка, и поплатился за это жизнью. Я не дал бы ни гроша за собаку, не умеющую защищать свое мясо. И мне поделом. Зачем я хотел ударить его? Он был прав, а я полез бить его.

— Все-таки самое благоразумное — убить его, — настойчиво продолжал Скотт. — Приучить его нельзя.

— Дайте бедняге оправиться. Дайте ему притти в себя. Если он не исправится, я сам застрелю его. Ладно?

— У меня совсем нет желания ни убивать его, ни видеть его убитым, — ответил Скотт, пряча револьвер. — Оставим его на свободе и посмотрим, что можно сделать из него добрым обращением. Вот сейчас попробую.

Белый Клык был неукротим. Оскалив клыки, он зорко следил за всеми движениями людей. У человека в руках не было палки, и Белый Клык допустил его подойти совсем близко. Рука бога стала опускаться на его голову, и Белый Клык с'ежился, нагибаясь и отстраняясь от прикосновения. Рука все опускалась. Он вовсе не хотел укусить руку и терпеливо выносил приближающуюся опасность, пока не заговорил в нем инстинкт.

Видон Скотт был уверен, что успеет во-время отдернуть руку, но ему суждено было познакомиться с изумительной быстротой Белого Клыка, который нападал с внезапностью и меткостью змеи.

Скотт громко вскрикнул, хватаясь другою рукою за свою прокушенную руку.

Матт бросился в хижину и вернулся с ружьем.

— Не смейте этого делать! — крикнул Скотт.

Белый Клык, стоявший за углом хижины, футах в сорока от них, злобно рычал, но не на Скотта, а на погонщика собак.

— Будь я проклят на веки вечные! — воскликнул в изумлении погонщик.

— Видите, как он умен! — продолжал Скотт. — Он знает огнестрельное оружие. Положите ружье.

Матт прислонил ружье к куче дров.

Белый Клык успокоился и перестал рычать.

Погонщик взял ружье и стал медленно прикладывать его к плечу. Рычанье Белого Клыка усиливалось по мере того, как поднималось ружье. В тот же момент, когда Матт при-

целился, Белый Клык отскочил в сторону и скрылся за углом хижины. Матт стоял и с удивлением смотрел на пустое место на снегу, где только-что находился Белый Клык.

Погонщик собак торжественно опустил ружье, оглянулся и посмотрел на товарища.

— Согласен с вами Скотт. Эта собака слишком умна, чтобы ее убивать.

ГЛАВА VI

Любимый хозяин

Как только Белый Клык заметил, что к нему приближается Видон Скотт, он зарычал и ощетинился, давая этим понять, что он не даст себя подвергнуть наказанию. Прошли сутки с тех пор, как он прокусил Видону руку, которая была теперь забинтована и висела на перевязи. В прежней жизни Белого Клыка случалось, что наказание откладывалось, и теперь он ждал, что час расплаты наступил.

Человек сел в нескольких шагах от него. В руках у него не было ни хлыста ни палки.

Рычание Белого Клыка перешло постепенно в глухое ворчание, а затем умолкло. Тогда человек заговорил, и при первых звуках его голоса шерсть поднялась на затылке Белого Клыка, и ворчание опять раздалось в горле. Человек не делал никаких враждебных движений и говорил спокойно. Некоторое время Белый Клык ворчал, и между его ворчанием и голосом человека установился даже согласный ритм, человек говорил долго и говорил так, как еще никто и никогда не говорил с Белым Клыком — мягко, успокаивающе. Белый Клык почувствовал какое-то доверие к этому человеку. У него явилось чувство безопасности, чего никогда не случалось в сношениях с прочими людьми.

Человек поднялся и ушел в хижину. Когда же он вышел оттуда, Белый Клык подозрительно осмотрел его, и опять в руках человека не было ни хлыста, ни палки, никакого оружия, и неповрежденная рука его не прятала ничего за спиною. Он сел на прежнее место, в нескольких шагах от Белого Клыка, и протянул ему небольшой кусок мяса. Белый Клык навострил уши и насторожился, стараясь смотреть в одно и то же время и на мясо и на человека, относясь недоверчиво ко всякому движению его, и был наготове отскочить при первом враждебном действии,

Наконец, человек бросил мясо на снег к ногам Белого Клыка. Тот осторожно обнюхал мясо, не спуская глаз с человека. Ничего не случилось. Он взял мясо в пасть и проглотил. Ничего плохого не произошло. Человек предложил ему другой кусок мяса. Снова он отказался взять его из рук — и мясо было вторично брошено на снег. Так повторилось несколько раз. Наконец, человек перестал бросать мясо, а упорно предлагал его Белому Клыку из своей руки.

Мясо было хорошее, а Белый Клык был голоден. Потихоньку, с бесконечной осторожностью приблизился он к руке и, наконец, решился взять мясо, не спуская глаз с человека, вытянув вперед голову и прижав уши; шерсть на затылке невольно поднялась и стала гребнем, в горле слышалось глухое ворчание, предупреждавшее, что он не позволит издеваться над собою. Но он с'ел мясо, а с ним ничего не случилось. Кусок за куском он с'ел все.

Он облизался и ждал. Человек продолжал говорить, и голос его попрежнему успокоительно действовал на волка.

Голос ласкает и нежит, а приближающаяся рука человека беспокоит и пугает. Противоположные чувства боролись в Белом Клыке. Он рычал, прижимал уши, поднимал шерсть дыбом, но не кусал и не отбегал. Рука опускалась все ниже и ниже, и, наконец, коснулась его вз'ерошенной шерсти. Он весь с'ежился от этого прикосновения и прижался к земле. Рука последовала за ним, прижимаясь ближе к телу. Ежась, почти дрожа, он все же владел собою и сдерживался. Эта рука, трогающая его и властвующая над инстинктом, причиняла ему мучение. Он не мог забыть все зло, которое причинили ему руки человека.

Гладя и лаская, рука поднималась и опускалась. Когда поднималась рука, подымалась неизменно и шерсть; а когда рука опускалась, уши прижимались к голове, и Белый Клык не мог удержаться от рычания. Этим ворчанием он предупреждал, что готов отомстить за всякую боль, какую ему причинят.

Белый Клык испытывал двойственное чувство. Прикосновение руки ему было тягостно. Оно тревожило его и лишало свободы. И все же оно для тела и шерсти не было болезненно или неприятно. Напротив, было даже немного приятно. Тихое поглаживание медленно и осторожно заменилось почесыванием за ухом, и приятное ощущение в коже как-

будто еще более увеличилось. Все-таки Белый Клык продолжал бояться и был настороже, ожидая все время какого-нибудь зла. Он то мучился, то наслаждался, смотря по тому, какое чувство одерживало верх.

— Ах, чорт возьми!

Такое восклицание вырвалось у Матта, выходившего из хижины с засученными рукавами, с тазом грязной воды в руках. Пораженный неожиданным зрелищем, он остановился и забыл, что нужно выплеснуть из таза грязную воду. Он смотрел, как Видон Скотт гладил волка.

Его голос нарушил молчание. Белый Клык отскочил и свирепо зарычал на него.

Видон Скотт приподнялся и направился к Белому Клыку. Он ласково заговорил с ним и медленно опустил руку на его голову.

Белый Клык переносил это, все время подозрительно косясь, но не на него, а на человека, стоявшего с тазом в дверях.

— Хотя вы, может быть, и хороший горный инженер,— ораторствовал Матт, — но вы многое потеряли в жизни, что в юности не поступили в цирк.

При звуках этого голоса Белый Клык заворчал, но не отскочил от руки, ласково гладившей его голову и шею.

Это было началом конца прежней жизни Белого Клыка, где царила одна ненависть. Настал рассвет новой, непонятной и прекрасной жизни, которая потребовала много ума и бесконечного терпения со стороны Видона Скотта, а от Белого Клыка — целой внутренней революции.

Видон Скотт добрался до самой основы натуры Белого Клыка и своею добротою вызвал к жизни те коренные свойства, которые дремали в нем или почти наполовину погибли. Одною из таких возможностей была любовь.

Но любовь не является в один день. Она началась с влечения и развивалась медленно. Здесь ему было несравненно лучше, чем в клетке у Смита, к тому же подчиняться человеку стало потребностью для него.

И Белый Клык остался у Видона Скотта. В доказательство своей преданности он взял на себя обязательство стеречь имущество нового хозяина. Он расхаживал вокруг хижины, когда упряжные собаки спали, и первый ночной гость принужден был отбиваться от него дубиною, пока не прибе-

жал Видон Скотт. Но Белый Клык скоро научился узнавать воров. Человека, который шел, громко стуча ногами, прямо в хижину, он не трогал, хотя зорко наблюдал за ним, пока не открывалась дверь и хозяин не впускал посетителя. Но если человек крался окольным путем, тревожно оглядываясь и стараясь быть незамеченным, тогда у Белого Клыка не было никаких колебаний, и человек этот быстро обращался в поспешное и позорное бегство.

Видон Скотт взял на себя задачу искупить тот грех, в котором род человеческий был повинен по отношению к Белому Клыку. Он продолжал относиться к «боевому волку» особенно ласково, поставив себе в обязанность каждый день ласкать и гладить Белого Клыка.

Вначале недоверчивый и враждебно настроенный, Белый Клык скоро полюбил эти ласки. Но был один из его недостатков, от которого он не мог уже отучиться: это было рычание. Рычать он принимался, как только начинали его гладить, и рычал, не переставая, вплоть до конца ласки. Однако в этом рычании замечалась уже новая нота. Посторонний не разобрал бы этой новой ноты, и для него рычание Белого Клыка оставалось бы лишь выражением первобытного, кровожадного зверства. Но ухо Видона Скотта — и лишь его одного — научилось распознавать в свирепом рычании этот новый оттенок, выражавший слабый намек на довольство.

По мере того, как шли дни, смутное влечение постепенно переходило в любовь. Белый Клык сам начал это замечать, хотя и бессознательно. Прикосновение руки Скотта доставляло ему радость, дикое и горячее ощущение; в отсутствие человека томило ощущение пустоты и, не переставая, давила тоска.

Белый Клык находился в состоянии самопознания. Несмотря на свой зрелый возраст, в нем зарождались странные чувства и непривычные побуждения. Его прежнее поведение изменилось. Прежде он любил удобства и отсутствие боли и ненавидел боль и неудобства, и сообразно этому поступал. Но теперь было иначе, потому что вследствие зародившихся в нем новых чувств и ради нового бога он добровольно подвергался неудобствам и боли. Так, например, рано утром вместо того, чтобы отправляться на фуражировку или лежать в теплом закоулке, он часами на неприветливом пороге хи-

жины ждал своего нового хозяина. Ночью, когда тот возвращался домой, Белый Клык покидал свою вырытую в снегу постель для дружеского прикосновения пальцев и для слов привета. Он жертвовал даже мясом — самим мясом! — чтобы быть вместе с человеком, получить от него ласку или сопровождать его в город. За то, что он получал, он платил тою же монетою.

Но Белый Клык не был способен выражать свои чувства. Он был уже немолод и слишком суров, чтобы научиться проявлять их. Он никогда не лаял за всю свою жизнь, и теперь не мог научиться лаять в знак приветствия при встрече с новым человеком; он никогда не выражал своей любви к нему шумно и суетливо; никогда не бежал к нему навстречу, а ожидал его на почтительном расстоянии, но зато ожидал неизменно. Его любовь приняла форму немого и тихого обожания. Только пристальным взглядом выражал он ее, да еще тем, что следил за каждым движением человека. Когда же хозяин смотрел на него и обращался к нему со словами, в поведении Белого Клыка замечалась неловкость, происходившая от желания и неумения выразить свою любовь.

Он приспособлялся к новой жизни. Так, он понял, что должен оставлять в покое собак хозяина; все же его властолюбивая натура заявляла о себе и заставляла собак признать его верховную власть. Когда это произошло, они больше не доставляли ему хлопот. Они уступали дорогу и подчинялись его воле.

Он научился переносить Матта, как приятеля хозяина. Хозяин редко кормил Белого Клыка; это делал Матт. Но Белый Клык угадал, что он ест пищу хозяина, который кормит его через своего заместителя. Матт сделал попытку надеть на него лямку и заставить его везти сани вместе с другими собаками. Но Матту попытка не удалась. И лишь когда Видон Скотт сам запряг его в сани, тогда Белый Клык понял: это было желание хозяина, чтобы Матт правил им, как другими собаками.

Клондайкские сани отличались от саней, принятых на Мэккензи, тем, что у них были полозья. Способ запряжки собак был тоже иной: здесь собаки не запрягались веерообразно, а шли гуськом, одна позади другой, и в двойных постромках. И здесь, на Клондайке, собака, бежавшая впереди

всех, была действительно вожаком, — это была всегда самая умная и сильная собака, которой повиновались остальные.

Таким вожаком должен был вскоре и неизбежно стать Белый Клык.

Позднею весною с Белым Клыком случилось большое несчастье. Внезапно, без всякого предупреждения, исчез любимый хозяин. В тот вечер он по обыкновению поджидал хозяина. В полночь холодный ветер заставил его укрыться за хижиной. Там он дремал, насторожив уши, чтобы услышать первые звуки знакомых шагов. Но в два часа утра беспокойство загнало его на холодные ступеньки хижины, где, свернувшись клубком, он продолжал ждать.

Хозяин не пришел. Утром дверь открылась, и появился Матт. Белый Клык жалобно посмотрел на него. У него не было иного способа спросить о том, что ему хотелось знать. Дни шли за днями, а хозяин не приходил. Белый Клык, никогда не знавший, что такое болезнь, теперь заболел. Он был болен так сильно, что Матт принужден был перенести его в хижину. И в письме к Видону, Матт сделал приписку о Белом Клыке.

«Этот проклятый волк не хочет работать. Не хочет есть. Исчезла его живость. Все собаки задают ему потасовку. Хочет узнать, что с вами приключилось, а я не знаю, как ему растолковать. Возможно, что скоро умрет».

Все было так, как писал Матт. Белый Клык перестал есть, потерял бодрость и позволял собакам кусать себя. Он лежал в хижине на полу возле печки, относясь совершенно безучастно к пище, к Матту и ко всему на свете. Матт мог ласково говорить с ним или ругать его. Белый Клык смотрел на него тусклыми глазами и ронял голову на вытянутые передние лапы.

Как-то ночью Матт был испуган тихим визгом Белого Клыка. Волк вскочил на ноги, навострил уши, глядя на дверь, и к чему-то с напряжением прислушивался.

Минутой позже Матт услышал шаги. Дверь отворилась, и вошел Видон Скотт. Мужчины обменялись рукопожатием. Скотт посмотрел кругом и спросил:

— Где же волк?

Но тотчас же увидел его, стоявшего на том месте, где он раньше лежал — возле печки. Он не бросился вперед, как это делают другие собаки. Он стоял, глядя на вошедшего и выжидая

— Клянусь трубкой! — воскликнул Матт. — Смотрите, он машет хвостом!

Видон Скотт шагнул к нему и позвал его. Белый Клык сейчас же подошел к хозяину, но не прыгал. Он держал себя неуклюже, но когда он приблизился, его глаза приняли странное выражение. Какое-то невыразимо-глубокое чувство засветилось в его глазах.

— Он никогда так не смотрел на меня, когда вас не было, — пояснил Матт.

Видон Скотт не слушал. Он присел на корточки перед Белым Клыком и стал ласкать его, почесывая за ушами, поглаживая шею до плеч, нежно похлопывая по спине. И Белый Клык ворчал в ответ, и мягкая нота особенно выделялась в его ворчании.

Но это было не все. Разве любовь и большая радость не могли помочь ему найти новый способ выразить чувство? Он вдруг вытянул голову и просунул ее между рукою и телом хозяина. И, спрятав ее так, что, кроме ушей, не было ничего видно, он перестал рычать, прижимаясь и слегка подталкивая Скотта.

Мужчины переглянулись. Глаза Скотта блестели.

— Важно! — сказал пораженный Матт.

С возвращением хозяина Белый Клык начал быстро поправляться. Еще две ночи и день он провел в хижине, затем вышел. Упряжные собаки забыли его прежнюю храбрость; они помнили только позднейшее — болезнь и слабость. При виде его на пороге хижины собаки напали на него.

— Покажи-ка им, как ты болен! — кричал весело Матт, стоя в дверях и наблюдая эту сцену. — Задай им, волчище! Задай им! Еще!

Белый Клык не нуждался в поощрениях; достаточно было возвращения любимого хозяина. Жизнь снова забилась в его жилах, — чудесная, неукротимая жизнь. Он дрался от избытка радости, давая простор чувству, которое не мог иначе выразить. Собаки разбежались, потерпев поражение, и вернулись одна за другой не раньше наступления темноты, униженным видом выражая свою покорность Белому Клыку.

Научившись прижиматься головой к хозяину, Белый Клык проделывал это часто. Это было заключительное слово его любви; дальше этого он итти не мог.

Однажды ночью, вскоре после своего возвращения, Скотт играл в карты с Маттом, как вдруг снаружи раздались крики и громкое рычание. Оба вскочили.

— Волк треплет кого-то! — сказал Матт.

Дикий вопль ужаса заставил их броситься к двери.

— Возьмите лампу! — крикнул, выбегая, Скотт.

Матт последовал за ним с лампою в руке, и при ее свете они увидели человека, лежавшего на спине в снегу. Руками он закрывал лицо и горло, защищая их от зубов Белого Клыка. Это была не лишняя предосторожность, потому что Белый Клык яростно добирался именно до этих наиболее уязвимых мест. Весь рукав куртки и голубая фланелевая рубашка лежавшего были изорваны в клочки, руки страшно искусаны и залиты кровью.

Скотт оттащил за горло Белого Клыка, который сначала рвался и рычал, но после резкого оклика хозяина быстро успокоился.

Матт помог незнакомцу встать, а когда тот отнял руки от лица, Матт увидел зверскую физиономию Красавца Смита. И в этот момент Матт заметил два предмета, лежавшие на снегу. Он приблизил к ним лампу и указал Скотту на стальную цепь и на толстую дубинку.

Видон Скотт посмотрел и кивнул. Погонщик взял за плечо Красавца Смитта и повернул его. Слова были излишни. Красавец Смит испарился.

Хозяин потрепал по шее Белого Клыка.

— Тебя пытались красть, да? А ты не хотел этого?..

Поднятая шерсть на спине Белого Клыка улеглась, рычание стало тише и в нем отчетливее выделялась новая мягкая нота.



ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ГЛАВА I

В дальний путь

Белый Клык чувствовал приближение несчастья. Каким-то смутным путем он сознавал, что перемена неизбежна. Он не знал, как и почему, но предчувствие зародилось в нем.

— Вот прислушайтесь! — воскликнул как-то за ужином погонщик собак.

Видон Скотт стал слушать. Сквозь дверь доносился тихий, беспокойный визг, похожий на сдерживаемое рыданье. Слышно было еще, как Белый Клык обнюхивает дверь, словно желая убедиться, что его бог все еще находится в хижине.

— Я начинаю думать, что волк плачет по вас, — сказал погонщик.

Видон Скотт посмотрел на собеседника почти умоляющими глазами, но его последующие слова не соответствовали выражению глаз.

— Ну, на какой чорт мне будет нужен волк в Калифорнии? — спросил он.

— И я то же говорю, — ответил Матт. — На какой чорт вам нужен волк в Калифорнии?

— Ни одной собаке белых людей нельзя было бы показаться на улице, — продолжал Скотт. — Он перегрызет всех. А меня он разорил бы одними штрафами. Все равно власти отняли бы его у меня и убили бы.

— Он настоящий убийца, я знаю, — было заключение Матта.

Видон Скотт посмотрел на него подозрительно.

— Нет, невозможно! — сказал он решительно.

— Невозможно, — согласился Матт, — вам пришлось бы нанять для него специально человека, который все время смотрел бы за ним.

В наступившей тишине вновь услышался тихий, похожий на рыдание визг и продолжительное обнюхивание двери.

— Нельзя отрицать, что он чертовски к вам привязался, — сказал Матт.

Тот вдруг вскипел.

— К чорту его! Я сам знаю, что надо делать и что не надо!

— Я с вами согласен, только...

— Что «только?» — выходил из себя Скотт.

— Да я так... — Голос погонщика стал сердитым. — Только скажите вы мне, откуда он узнал, что вы уезжаете? Вот что удивляет меня!

— Это выше моего понимания, Матт!

Наступил день, когда в открытую дверь хижины Белый Клык увидел роковой чемодан на полу и любимого хозяина, укладывающего вещи. Люди беспрестанно входили и выходили из хижины, и в ее мирной до сих пор обстановке замечались странное волнение и беспокойство. Сомневаться было нельзя. Белый Клык чувствовал и понимал, что его хозяин готовится вторично исчезнуть.

В ту ночь долго слышался протяжный вой волка. Так он выл в детстве, когда прибежал из пустыни в покинутое становище и нашел там лишь кучи мусора на месте вигвама Серого Бобра. И теперь, подняв к звездам морду, он жаловался им на то, что его покидают.

В хижине люди только-что легли спать.

— Он опять отказывается от пищи... — заметил со своей койки Матт.

С койки Видона Скотта послышалось недовольное ворчание и шуршание одеяла.

— Судя по тому, как он тосковал в тот раз, я не удивлюсь, если он скоро околеет...

Одеяло на другой койке зашуршало сильнее.

— Да замолчите! — крикнул в темноте Скотт. — Вы каркаете хуже всякой бабы!

— Что ж, я согласен с вами, — отвечал погонщик. Но Видону показалось, что тот смеется над ним.

На следующий день беспокойство и волнение Белого Клыка увеличились. Он ходил по пятам хозяина, когда тот оставлял хижину, и сидел неотлучно у двери хижины, если хозяин оставался дома. Через открытую дверь он видел багаж на полу. К чемодану присоединили два дорожных мешка и сундук. Белый Клык выл, словно он присутствовал при мучительной операции.

Позже пришли два индейца. Он внимательно смотрел, как они взвалили себе на плечи багаж и пошли под гору в сопровождении Матта, который понес чемодан и постельное белье хозяина. Но Белый Клык не пошел за ними. Хозяин все еще оставался в хижине. Спустя некоторое время Матт вернулся. Тогда хозяин вышел из хижины и позвал туда Белого Клыка.

— Эх, бедняга! — тихо сказал он, похлопывая Белого Клыка по спине и почесывая ему за ушами. — Я отправляюсь в дальний путь, старина, куда тебя нельзя взять. Ну, теперь зарычи в последний раз на прощанье. Хорошенько эдак зарычи!

Но Белый Клык не стал рычать. Вместо этого он посмотрел задумчивым, пытливым взглядом, прижался к хозяину и зарыл голову между его рукою и телом.

— Уже свистит! — закричал Матт.

От Юкона донесся хриплый свисток речного парохода.

— Кончайте скорее ваше прощанье! Не забудьте запереть переднюю дверь, а я выйду через заднюю. Ну, двигаемся!

Обе двери были захлопнуты в одно и то же время, и Видон Скотт подождал Матта, вышедшего через кухню. За дверью слышался тихий, похожий на рыданье, вой.

— Берегите его, Матт, — сказал Скотт, когда они спускались с холма, — пишите и давайте знать, как ему живется.

— Конечно, — ответил погонщик. — Но вы послушайте!

Оба остановились. Белый Клык выл, как воют собаки над мертвым хозяином. Он выражал своим воем крайнее горе; его вой переходил то в душу раздирающий отрывистый крик, то в замирающий, жалобный стон, то опять поднимался с новым взрывом отчаяния.

«Аврора» была первым весенним пароходом, идущим на юг, и на ее палубе толпились искатели приключений, которым повезло, и разорившиеся золотоискатели, все одинаково стремившиеся уехать на юг, как раньше они стремились на север. У сходней Скотт пожал руку Матту, который уже готовился сойти на берег. Но рука Матта замерла при этом пожатии, а глаза с ужасом устремились на что-то, находившееся позади Скотта. Скотт обернулся. На палубе в нескольких шагах от них сидел Белый Клык и пристально смотрел на Скотта.

Погонщик собак разразился ругательствами, какие только существуют на его родном языке. Хозяин смотрел в полном недоумении.

— Да заперли ли вы переднюю дверь? — спросил Матт.

Тот утвердительно кивнул и спросил:

— А заднюю вы тоже заперли?

— Конечно, не хуже вас, — был сердитый ответ.

Белый Клык с покорным видом прижимал уши и не пытался подойти.

— Придется мне взять его с собою на берег. — И Матт сделал несколько шагов по направлению к Белому Клыку, но тот ускользнул из-под его рук. Погонщик погнался за ним, и Белый Клык принялся шнырять в толпе между ногами пассажиров. Увертываясь, прячась, перебегая с места на место, он не поддавался никаким усилиям Матта схватить его. Но хозяин позвал, и Белый Клык быстро подбежал к нему.

Скотт, гладивший Белого Клыка, вдруг нагнулся и указал на свежие порезы на его морде и на царапину между глазами.

— Мы совсем забыли про окно. Он весь изранен. Разумеется, он пробил головою стекло.

Но Видон Скотт уже не слушал. Он что-то соображал. Последним свистком «Аврора» давала знать об отплытии. Провожающие торопливо спускались по сходням на берег. Матт снял шарф и спешил обвязать его вокруг шеи Белого Клыка. Скотт схватил погонщика за руку.

— Прощайте, Матт, дружище... А насчет волка вам не придется писать... Вы сами видите, я...

— Что? — изумился погонщик. — Не хотите ли вы сказать...

— Именно, это самое. Вот ваш шарф. Теперь уже я буду писать вам о Белом Клыке.

Матт остановился, пройдя половину сходней.

— Он ни за что не вынесет климата! — крикнул он. — Разве только вы острижете его на время жары.

Сходни были подняты, и «Аврора» отчалила от берега.

ГЛАВА II

В южной стране

Белый Клык сошел с парохода в Сан-Франциско*). Он был потрясен. И никогда еще белые люди не казались ему такими могучими богами, как представлялись теперь, когда

*) Крупный портовый город на западе Сев.-Амер. Соед. Штатов (на берегу Тихого океана).

он шел по липкой мостовой Сан-Франциско. Огромные здания заменили здесь деревянные хижины, которые он знал до сих пор. Улицы были переполнены всякого рода опасностями — фургонами, повозками, автомобилями, большими лошадьми, с усилием тащившими огромные дроги, и чудовищными трамваями, звонившими и гудевшими посредине улиц, опасными не меньше, чем рыси, которых он встречал в северных лесах. И как много здесь людей! У него кружилась голова от того, как они сновали взад и вперед толпами. Уличный грохот больно ударял в его уши. И он совсем растерялся от беспрерывного мелькания разных предметов. Как никогда раньше, чувствовал он свою зависимость от хозяина, за которым шел и с которого не спускал глаз.

Белому Клыку пришлось провести не более одной ночи в городе, и эта ночь казалась ему страшным, нелепым сном, который впоследствии повторялся в его настоящем сне. Затем его поместили в багажный вагон, прикрепив цепью к стене меж сундуков и чемоданов. Здесь было царство смуглого, невысокого человека, который кидал с шумом сундуки и чемоданы или тащил их к дверям вагона и бросал в кучи или же выбрасывал с треском и грохотом за двери, где их подбирали другие боги. И здесь, в этом аду, Белый Клык был покинут своим богом, или, по крайней мере, Белый Клык думал, что он покинут, пока не нашел чутьем вещей своего хозяина и не принялся сторожить их.

— Во-время явились, — ворчал часом позже служащий багажного вагона, когда Видон Скотт показался в дверях. — Ваша собака не позволяет мне и пальцем коснуться ваших вещей.

Белый Клык вылез из вагона. Он был опять изумлен. Кошмарный город исчез. Перед ним расстилалась веселая, залитая солнцем, мирная и спокойная страна.

Их ожидал экипаж. Мужчина и женщина подошли к ним. Руки женщины поднялись и охватили шею хозяина. Но ведь это нападение. В следующий момент Видон Скотт должен был вырваться из об'ятий матери и заняться Белым Клыком, который рычал, как дьявол.

— Ничего, мама! — говорил Скотт, сдерживая и успокаивая Белого Клыка. — Он думал, что вы хотите меня обидеть, а этого он не выносит. Ничего, ничего! Он скоро поймет.

— А пока мне можно выражать любовь сыну, когда не будет возле этой собаки, — рассмеялась она, хотя ее лицо побледнело от страха.

Она посмотрела на Белого Клыка, который рычал и злобно глядел на нее.

— Он скоро поймет.

И Скотт начал говорить ласково с Белым Клыком, а когда тот успокоился, он строго сказал ему:

— Ложись!

Этому Белый Клык был уже научен хозяином, и он повиновался, хотя неохотно и с сердитым видом.

— Теперь обнимемся, мама!

Скотт раскрыл об'ятия, но не спускал глаз с Белого Клыка.

— Лежать! — приказывал он. — Лежать!

Белый Клык приподнялся, но снова лег и стал наблюдать за повторением враждебного действия. Однако, никакого вреда его хозяину не причинили. После этого дорожные мешки были положены в экипаж, куда сели чужие боги и его хозяин, и Белый Клык побежал за экипажем, иногда обгоняя лошадей и ощетиниваясь, точно предупреждая их, что он следит, чтобы ничего дурного не случилось с его любимым хозяином.

Через четверть часа экипаж в'ехал через каменные ворота в аллею ореховых деревьев. По обеим сторонам за аллеей расстилались лужайки, и по всему их пространству были разбросаны могучие дубы. Дальше тянулись выжженные солнцем золотисто-коричневые поля, а еще далее — краснобурые холмы. В начале лужайки на возвышении стоял большой дом с верандою.

Едва экипаж в'ехал в аллею, как на Белого Клыка с негодованием накинулась остромордая, светлоглазая сердитая овчарка и старалась отрезать его от экипажа. Белый Клык приготовился было разделаться с нею своим обычным способом — без предупреждения и одним ударом, но этого удара не последовало, и он, упершись передними ногами, успел вовремя остановиться, почти касаясь клыками чужой собаки. При этом он всем корпусом откинулся назад и даже сел на задние лапы — так сильно сказалось в нем вдруг желание избегнуть схватки с напавшею на него овчаркою. Это была

самка. А по законам его природы он не смел нападать на самку.

Не то было с овчаркою. В Белом Клыке она видела волка, хищника по природе, вечно нападавшего на стада. Таким образом, когда Белый Клык отказался от нападения на нее, она сам яростно на него набросилась. Он невольно зарычал, потому что ее зубы вцепились в его плечо, но и тогда он не причинил ей вреда, а только попятился с выражением оскорбленного достоинства и старался обежать кругом нее. Он метался из стороны в сторону, но напрасно: овчарка все время преграждала ему дорогу.

— Сюда, Колли! — звал ее чужой человек в экипаже.

Видон Скотт смеялся.

— Ничего, отец. Это для него хорошая школа. Белому Клыку надо еще многому научиться, и чем скорее, тем лучше. Он должен приноровиться к новому положению.

Колли преграждала путь Белому Клыку.

А коляска увозила хозяина. Белый Клык видел, как она исчезла за деревьями. Его положение было отчаянное. Тогда он неожиданно повернулся к овчарке и применил свой старый боевой прием, толкнув плечом овчарку так сильно, что она покатилась по земле, загребая ногами песок и пронзительно визжа от уязвленной гордости и от негодования.

Белый Клык не стал раздумывать. Дорога была свободна, а это было все, что ему нужно. Овчарка мчалась за ним, все еще не переставая визжать; но в проворстве бегать она могла поучиться у него. Она неслась, как безумная, напрягая все силы, а Белый Клык скользил по земле без всяких усилий, мягко и неслышно, как тень.

Он догнал людей в ту минуту, когда экипаж остановился и хозяин выходил из него. И тут Белому Клыку пришлось вынести новую направленную на него атаку. На этот раз выскочила откуда-то гончая собака. Белый Клык попытался приготовиться к защите, но он бежал так быстро, а гончая собака так неожиданно налетела на него сбоку, что Белый Клык с размаху опрокинулся. Он рассвирепел: прижал уши, губы и нос судорожно сморщил, клыки угрожающе выставил.

Хозяин бежал на выручку, но был далеко от них, и Колли выпала заслуга спасти жизнь охотничьей собаки. Прежде чем Белый Клык успел нанести свой роковой удар, она на-

летела, как шквал, вся негодующая, преисполненная жажды мщения, ненависти, инстинктивной вражды к волку, и, ударившись о него в момент его прыжка, вторично сшибла его с ног.

В следующий момент прибежавший хозяин оттащил Белого Клыка, а его отец отозвал собак.

— Нечего сказать, хорошенький прием встретил волк, прибывший с Полярного Круга! — сказал Скотт, успокаивая и похлопывая рукою Белого Клыка. — За всю его прежнюю жизнь, насколько мне известно, он только раз был сбит с ног, а здесь дважды за одну минуту.

Белый Клык лег подле ног хозяина.

Потом все поднялись по ступенькам в дом. Белый Клык не отставал ни на шаг от хозяина. Гончая, лежавшая на веранде, зарычала, и Белый Клык немедленно ответил тем же.

— Возьми Колли в комнату, а эти двое пусть подерутся,— сказал отец Скотту. — Потом они станут друзьями.

— Тогда Белому Клыку, чтобы выказать дружбу, останется только выступить в роли плакальщика на погребении Дика, — сказал со смехом Видон.

Отец посмотрел недоверчиво сперва на Белого Клыка, потом на Дика и в заключение на сына.

— Ты хочешь сказать, что...

Видон кивнул.

— Именно! Дик был бы загрызен в одну минуту.

Он повернулся к Белому Клыку.

— Идем, волк! Придется держать тебя в доме.

Белый Клык с надменным видом взошел по ступенькам и прошел веранду, вытянув хвост, не спуская глаз с Дика, готовый ко всем случайностям, могущим встретиться в доме. Но в доме ничего страшного не оказалось; по крайней мере, после тщательного исследования он ничего такого не нашел. Тогда с довольным ворчанием он лег у ног хозяина, не переставая, однако, следить за всем происходящим вокруг и держась наготове во всякий момент вскочить и сразиться со всеми ужасами, которые могут скрываться в засаде под крышею дома.

ГЛАВА III

Среди людей

В Сиерра-Виста, — так называлась усадьба лесничего Скотта, — Белый Клык почувствовал себя, как в родном доме. Никаких серьезных недоразумений с собаками у него больше не происходило. Допущение в дом дало ему в их глазах такие же права, какие были и у них.

Правда, Дик пришел к этому не без некоторых чопорных формальностей, но потом спокойно примирился с присутствием Белого Клыка и, если бы это зависело от него, он даже подружился бы с волком; но Белый Клык питал отвращение к дружбе. Все, чего он требовал от других собак, это — оставлять его в покое. Всю свою жизнь он сторонился от собак и теперь делал то же; подходы Дика надоедали ему, и он рычанием отгонял его прочь. Добродушный пес скоро отступился от него и не проявлял почти никакого интереса ни к нему, ни к его убежищу подле конюшни.

Не то было с Колли. Она ничего не могла позволить себе в присутствии людей, зато в их отсутствие всеми способами старалась отравлять жизнь волку. Колли пользовалась преимуществами своего пола, чтобы обижать Белого Клыка и изводить его. Его инстинкт не позволял ему нападать на нее; в то же время нельзя было не обращать внимания на ее настойчивые приставания. Когда она нападала на него, он подставлял ее острым зубам свое покрытое густым мехом плечо. Если же Колли приставала слишком надоедливо, он свертывался в клубок, подставляя ей плечи и пряча голову, причем в его глазах виднелись нетерпение и скука. Иногда, впрочем, ее укусы в задние ноги заставляли его поспешно убегать из дому, даже не заботясь о сохранении достоинства. Но обычно он умел сохранять свое достоинство, почти важность. Он старался не замечать, насколько возможно, существования Колли и поставил себе целью не попадаться ей на дороге. Когда он видел или слышал ее приближение, он вставал и удалялся.

Вообще многому еще надлежало научиться Белому Клыку. Жизнь на севере была куда проще по сравнению с жизнью в Сиерра-Виста. Прежде всего он должен был познакомиться

с семьей хозяина, к чему он был уж подготовлен прежним опытом. Как Мит-Сах и Клу-Куч принадлежали Серому Бобру, разделяя с ними пищу, огонь костра и одеяла, так и здесь, в Сиерра-Виста, все домочадцы принадлежали его любимому хозяину.

При этом замечалась разница, и разница значительная. Сиерра-Виста была неизмеримо больше палатки Серого Бобра, и разных богов находилось здесь тоже больше, чем в вигваме. Здесь жили лесничий Скотт, его жена, две сестры хозяина — Бэт и Мэри, его жена Алиса и дети, Видон и Мод, малютки четырех и шести лет. Белый Клык быстро сообразил, что все эти люди близки его хозяину. Дальше наблюдая при каждом представлявшемся случае за поступками, разговором и даже оттенком голосов, он мало-по-малу уяснил себе, кого хозяин больше любит. Соответственно с этим начал относиться к новым богам и Белый Клык. То, что было дорого хозяину, было ценно и для Белого Клыка; кого больше любил хозяин, любил и он.

Так дело обстояло и по отношению к детям. Всю свою жизнь он терпеть не мог детей, он боялся и ненавидел прикосновение их рук, потому что много неприятностей испытывал от их жестокости и тирании в индейских поселках. Когда Видон и Мод в первый раз приблизились к нему, он зарычал с угрозою и злобно глядел на них. Толчек и резкий окрик хозяина заставил его принять детское поглаживание, хотя он не переставал рычать, пока они гладили его своими крохотными ручками — и в рычании его совсем не замечалось ласковой ноты. Позже он заметил, что мальчик и девочка имели большую ценность для хозяина, и, уже не дожидаясь толчков и резких слов, позволял им ласкать себя.

Все же Белый Клык не был охотник до чувствительных излияний. Он снисходительно терпел от детей хозяина их подчас болезненные для него игры. Когда же все его терпение истощалась, он вставал и уходил от них. Но понемногу он даже полюбил детей, хотя этого и не выказывал. Он никогда не подходил к нем, но и не убегал от них, поджидая, когда они подойдут к нему сами. А еще позже домашние заметили, что в его глазах появлялось удовольствие, когда дети приближались к нему, и сожаление, когда они его покидали для других забав.

Все это развилось не сразу, а в течение долгого времени. После детей он полюбил еще старика лесничего, — во-первых, старика, очевидно, очень ценил хозяин, а во-вторых, он был тоже сдержан. И Белый Клык любил лежать у его ног на широкой веранде, когда лесничий читал газету и время от времени обращался к Белому Клыку, взглядом или словом показывая этим, что не забывает о его существовании.

Это происходило лишь в отсутствии хозяина. Когда же тот появлялся, все остальное на свете переставало существовать для Белого Клыка. Белый Клык позволял всем членам семьи ласкать его, но ни к одному из них он не относился так, как к своему хозяину. Ни к кому он не прижимался доверчиво головою. Эти выражения полнейшей преданности и обожания он хранил для одного любимого хозяина.

Но вне дома Белому Клыку приходилось поучаться гораздо большему. За пределами усадьбы хозяина начинались общие владения всех людей — дороги и улицы. Много законов управляло всем этим порядком и требовало особого поведения.

Самым сильным пособием в деле воспитания служили окрик, а порою и пинок хозяина.

Но к удару хозяин прибегал редко; вполне достаточно было окрика. Белый Клык по тону голоса всегда узнавал, хорошо он поступил или дурно.

На севере собаки были единственным домашним животным, все другие животные были дикими зверями и являлись законной добычей для собаки. Всю жизнь Белый Клык охотился за дичью для прокормления себя, и ему в голову не приходило, что в южной стране могли быть иные порядки. Но в долине Санта-Клара пришлось узнать это на опыте. Прохаживаясь ранним утром вокруг дома, он набрел на цыпленка, убежавшего из курятника. Натурально, первым побуждением Белого Клыка при этой встрече было с'есть цыпленка. Один, два прыжка, щелкание зубов, испуганный писк — и птица была проглочена. Она оказалась откормленною, жирною и нежною. И Белый Клык решил, облизываясь, что такая пища ему по вкусу.

В тот же день у конюшни ему посчастливилось натолкнуться и на другого цыпленка. Один из грумов прибежал на помощь бедной птице, но, не зная хорошо Белого Клыка, захватил с собой не дубинку, а легкий хлыст. При первом же

ударе хлыста Белый Клык оставил цыпленка и повернулся к конюху. Палка могла бы остановить его, но не хлыст. Молча, без всякой нерешительности, он при втором ударе прыгнул на конюха, который закричал и отшатнулся. Он выронил хлыст и закрыл горло руками. Его рука оказалась прокушенной до кости. Человек насмерть перепугался. Его испугала не столько свирепость Белого Клыка, как неожиданность нападения при полном молчании. Все еще защищая горло и лицо прокушенною, окровавленною рукою, грум пытался спастись в сарае, и ему пришлось бы очень плохо, если бы на сцену не появилась Колли. Как она спасла жизнь Дику, так теперь она спасла конюха. Со всем безумием ярости набросилась она на Белого Клыка.

Грум убежал в конюшню, а Белый Клык, отступая от зубов Колли, подставлял под них плечо и старался как-нибудь смягчить ее. Но Колли на этот раз не желала ограничиться обычными укусами. Дело шло о серьезном наказании. С каждою минутою ее гнев возрастал, пока Белый Клык, забыв о своем достоинстве, не пустился бежать прямо в поле.

— Он научится не трогать цыплят, — сказал хозяин. — Но я должен для этого поймать его на месте преступления.

Через два дня случай представился, но при этом Белый Клык совершил такое крупное преступление, какого не предполагал хозяин. Белый Клык тщательно изучил расположение курятника и привычки его обитателей. Ночью, после того, как куры сели на насест, он забрался на кучу недавно сложенных бревен, отсюда перебрался на крышу курятника, пролез через отверстие под крышею и спрыгнул внутрь. Минутою позже началась бойня. Утром, когда хозяин вышел на веранду, с полсотни белых легхорнских кур, разложенных в ряд конюхом, обратили на себя его внимание. Он даже свистнул сперва от изумления, а потом от восхищения. Он перевел взгляд на Белого Клыка, но тот не выказывал ни малейшего признака стыда или раскаяния. Он держался гордо, с сознанием заслуженной похвалы и награды. В нем не замечалось ни малейшего понимания, что он совершил преступление. Губы хозяина сжались при мысли о предстоящей неприятной задаче. Он сердито заговорил, все время при этом тыкая в нос Белого Клыка убитых кур. Хозяин несколько раз ударил волка.

С тех пор Белый Клык никогда больше не забирался в курятник. Оказалось, что это беззаконно, и он понял закон. После наказания хозяин повел его на птичий двор. Когда Белый Клык увидел живую птицу, разгуливающую под самым его носом, его естественным побуждением было броситься на нее. Его остановил голос хозяина. Так они прогуливались с полчаса по птичьему двору. По временам побуждение брало перевес над благоразумием в Белом Клыке, но голос хозяина всякий раз сдерживал его. И прежде чем оставить владение кур, он уже научился игнорировать их существование.

— Ты никогда не отучишь его душить кур, — сказал за завтраком лесничий, когда сын рассказал ему об уроке, данном им Белому Клыку. — Это у него в крови.

Но Видон Скотт не был согласен с отцом.

— Знаете ли, что я сделаю? — сказал он. Я на полдня запру Белого Клыка в курятник.

— Но подумай о курах, — возразил отец.

— За каждую убитую курицу я плачу вам по доллару.

— Но ты обяжи и папу заплатить штраф, если он проиграет пари, — вмешалась Бэт.

Ее поддержала сестра, и все сидящие за столом одобрили это предложение. Лесничий согласился.

— Хорошо! — Видон Скотт подумал с минуту. — И если к концу дня Белый Клык не задушит ни одной курицы, то за каждые десять минут, проведенные им в курятнике, вы должны будете сказать ему серьезно и торжественно: «Белый Клык, ты умнее, чем я думал».

Вся семья собралась смотреть из засады на представление. Но пришлось разочароваться. Запертый в птичнике Белый Клык лег и уснул. Только раз он встал, чтобы напиться воды. На кур он не обращал никакого внимания, как будто их не существовало.

В четыре часа он с разбега выскочил на крышу курятник и, спрыгнув на другую сторону, важно направился к дому. Он выучил закон. И на веранде, перед ликующей семьей. старый лесничий произнес медленно и торжественно шестнадцать раз:

— Белый Клык, ты умнее, чем я думал!

Однако, многочисленность законов смущала Белого Клыка, и часто он попадал в беду. Ему пришлось узнать кстати, что нельзя трогать и тех кур, которые принадлежат чу-

жим людям. Так же он должен был оставлять в покое и кошек, и кроликов, и индеек. Тогда он решил, что значит все живое ему приходится оставлять теперь в покое. И в поле перепелки вылетали совершенно безнаказанно прямо из-под его носа. Весь трепеща от желания броситься и схватить их, он побеждал свой инстинкт и оставался на месте — так повиновался он воле человека.

Однажды на пастбище он увидел, как Дик погнался за диким кроликом. Хозяин это видел, но не вмешался. Наоборот, он натравлял и Белого Клыка присоединиться к погоне. Таким образом Белый Клык узнал, что кроликов трогать не запрещено. И он понял: между ним и домашними животными не должно быть враждебных отношений; если не дружба, то равнодушие. Все же другие животные — белки, перепелки, кролики — были дикие, не подчинялись человеку и являлись законною добычею собак. Только ручных животных охраняют люди, и посягать на жизнь ручного животного ими запрещено.

После простой жизни на севере жизнь долины Санта-Клара казалась очень сложной. Главное, что требовалось здесь, это уменье сдерживать свои порывы. Когда он позади экипажа появлялся в городе Сан-Хозе, разнообразная жизнь широким потоком неслась мимо него, постоянно задевая его чувства, требуя немедленного, бесконечного приспособления, содержания инстинктов и подавления побуждений.

Там были мясные лавки, где совсем низко висело мясо, а между тем трогать мясо было нельзя. В домах, которые посещал хозяин, были кошки, и их тоже приходилось оставлять в покое. И всюду были собаки, которые рычали на него, а он не смел задать им трепку. Кроме того, бесчисленные люди на тротуарах обращали на него внимание, останавливались и смотрели, указывали пальцами, заговаривали с ним и, хуже всего, гладили его. И он должен был переносить опасные прикосновения чужих рук. Он все переносил. Он даже перестал быть неуклюжим и диким; с надменным видом он принимал все знаки внимания, оказываемые ему. И когда люди гладили его по голове, они сами удивлялись своей смелости.

Все это не легко давалось Белому Клыку. Когда он бежал за экипажем хозяина на окраинах Сан-Хозе, он встречал мальчишек, которые бросали в него камнями. И он знал, что нельзя догнать и наказать их. Здесь он принужден был по-

давлять инстинкт самосохранения и, подавляя его, он становился более ручным и способным к цивилизации.

Тем не менее такой порядок ему не нравился. Как-то раз его хозяин выскочил из экипажа с хлыстом в руке и отхлестал мальчишку, бросившего в него камень. После этого ребята больше не бросали камней, и Белый Клык был удовлетворен.

Случился и другой подобный эпизод. По дороге в город, на перекрестке у трактира, три собаки постоянно нападали на Белого Клыка. Зная его гибельный способ борьбы, хозяин непрерывно учил его избегать драк с собаками. Белый Клык твердо помнил приказание, и ему тяжело было пробегать этим перекрестком. Он удерживал собак рычанием на значительном расстоянии от себя, но все-таки они бежали за ним, лая на него и оскорбляя. Так продолжалось некоторое время. Люди из трактира даже науськивали этих собак. Раз они открыто натравили собак. Хозяин остановил экипаж.

— Возьми их, — сказал он Белому Клыку.

Но Белый Клык отказывался верить. Он смотрел то на собак, то на хозяина.

Хозяин повторил:

— Возьми их, дружище! Загрызи их!

Белый Клык больше не колебался. Он повернулся и молча бросился на врагов. Все три кинулись на него. Послышалось рычание, визг, лязгание зубов и все тела смешались .Дорожная пыль поднялась облаком и закрыла битву. Через несколько минут две собаки лежали в пыли, а третья улепетывала. Она перескочила канаву, пролезла сквозь изгородь и помчалась в поле. Белый Клык погнался за нею своим волчьим бегом, быстрым и бесшумным, настиг ее среди поля и загрыз.

После этого тройного убийства прекратились его недоразумения с собаками. Слух о нем распространился в долине, и люди увидели, что для их собак самое лучшее не связываться с Белым Клыком.

ГЛАВА IV

Голос рода

Месяцы шли за месяцами. В южной стране было вдоволь пищи и не было работы. Белый Клык толстел и благоденствовал. Вся его внутренняя жизнь согрелась, как бы найдя, наконец, свой светлый юг. Доброта людей сияла над ним, точно солнце, и он расцвел, как цветок, перенесенный в плодородную почву.

За исключением неприятностей с Колли, все шло хорошо у Белого Клыка. Он научился сдерживать себя и изучил закон жизни. Он приобрел степенность, спокойствие и философскую снисходительность. Его не окружала теперь враждебная обстановка. Опасность, страдание и смерть не поджидали его на каждом шагу. Исчезли ужас и угрозы неизвестного. Жизнь стала приятной и легкой. Она текла гладко, и ни ужас, ни вражда не пересекали ее пути.

Бессознательно и неопределенно он чувствовал, что недостает снега, и в летнюю жару, когда он особенно сильно страдал от солнца, его охватывала тоска по северу, которая выражалась в том, что он становился беспокоен, грустен и раздражителен.

Белый Клык никогда не любил выказывать своей признательности и, за исключением привычки прижиматься головою к хозяину, не знал иных способов выражать свою любовь. Но однажды он нашел еще один способ выражения. Он всегда был чувствителен к смеху богов; смех и издевательства над ним приводили его в бешенство, переходившее почти в безумие. Но когда его любимый хозяин позволял себе добродушно подшучивать над ним, это ставило его в тупик: он чувствовал, как в нем поднимается его прежний гнев, но с этим гневом боролась любовь. Он не мог сердиться и в то же время хотел так или иначе отозваться на этот смех. Сначала он старался казаться высокомерным и оскорбленным, но хозяин хохотал над этим еще больше. В конце концов этот смех довел его до того, что его челюсти слегка разжались, верхняя губа поднялась, и что-то комическое, похожее, впрочем, больше на любовь, чем на юмор, засветилось в его глазах. Так он научился смеяться.

Он научился также шумно резвиться со своим хозяином, позволяя тому опрокидывать себя, катать по полу и проделывать над собой всякие штуки. В ответ на это он высказывал притворный гнев, ощетинивал шерсть, рычал и хватал зубами, как бы с намерением сильно укусить. Но он никогда не забывался. Его челюсти щелкали в воздухе. И в конце такой возни, где сыпались удары и толчки, где раздавалось угрожающее ворчание и щелкание обнаженных клыков, они вдруг прерывали возню, отступали и смотрели друг на друга. И затем, точно солнце показывалось из-за туч, они начинали вместе

смеяться. Все заканчивалось тем, что хозяин обнимал за шею Белого Клыка, а тот ворчал свою песню любви.

Однако, кроме хозяина, никто не устраивал возни с Белым Клыком. Он не позволял этого и не снисходил до игры ни с кем, встречая все попытки таким сердитым рычанием, что у всех пропадала охота трогать его. Он любил только одного человека и не хотел умалять достоинство своей любви.

Хозяин часто ездил верхом, и Белый Клык считал своею главною обязанностью сопровождать его. Он мог бежать целый день, и это нисколько не утомляло его. Он бежал своей обычною волчьей скользящей поступью без всяких усилий и, пробежав пятьдесят миль, все так же весело несся впереди лошади.

В связи с верховою ездою Белый Клык проявил еще один способ выражать свою преданность. Первый раз это случилось, когда хозяин учил горячего, чистокровного скакуна брать препятствия. Несколько раз он направлял его к барьеру, и всякий раз лошадь пугалась и, подбежав к барьеру, становилась на дыбы. С каждою минутою она горячилась все больше.

Белый Клык наблюдал за этими поворотами и скачками лошади с возрастающим беспокойством; наконец, не выдержав, подпрыгнул к ее морде и залаял свирепо и угрожающе.

Хотя после этого он пытался лаять не однажды, подстрекаемый хозяином, но это удалось ему еще только раз, и хозяин при этом как раз не присутствовал.

Видон Скотт мчался верхом по лугу, как вдруг дикий кролик выскочил прямо из-под ног лошади и испугал ее. Лошадь опрокинулась, и хозяин, упав под нее, переломил себе ногу. Белый Клык подскочил в ярости к горлу виновной лошади, но его остановил голос хозяина:

— Домой! Беги домой! — приказывал ему хозяин, когда удостоверился, что нога сломана.

Белый Клык не был расположен покинуть его. Хозяин придумал написать записку, но напрасно искал по карманам карандаш и бумагу. Тогда он снова приказал Белому Клыку бежать домой.

Последний внимательно поглядел на него, потом поднялся и пошел, но вернулся и жалобно завыл. Хозяин еще раз стал внушать ему кротко, но настойчиво, а Белый Клык, навострив уши, слушал с мучительным напряжением.

— Ничего особенного, дружище! Только беги домой, — внушал хозяин. — Беги домой и передай там о том, что случилось со мною. Ну, скорее, волк, отправляйся! Домой!

Белый Клык знал значение слов «домой», и хотя не понял остальных слов хозяина, все же догадался, что тот хочет, чтобы он шел зачем-то домой. Тогда он повернулся и потрусил неохотно по направлению к дому, но опять остановился и оглянулся.

— Домой! — резко приказал хозяин, и на этот раз Белый Клык послушался.

Вся семья сидела на веранде, наслаждаясь вечернею прохладою, когда появился Белый Клык, запыхавшийся и покрытый пылью.

— Видон вернулся, — заявила мать Скотта.

Дети встретили Белого Клыка радостными криками, но он обошел их и вбежал на веранду; они опять стали тормошить его, и он рычал и пытался вырваться. Мать детей с беспокойством смотрела на них.

— Признаюсь, мне ужасно действует на нервы, когда дети подле этой собаки, — сказала она. — Я боюсь, что в конце концов она бросится на них.

С яростным рычанием Белый Клык выпрыгнул из-за угла, куда дети его загнали, и сшиб с ног детей. Мать стала их утешать, советуя не трогать больше Белого Клыка.

— Волк всегда волк... — согласился лесничий.

Он не докончил фразы. Белый Клык стоял перед ним и грозно рычал.

— Прочь! Ложись! — приказывал старик.

Белый Клык подбежал к жене хозяина. Она вскрикнула от ужаса, когда он схватил ее зубами за платье и тянул до тех пор, пока не разорвал материю. Все смотрели на него с удивлением. Он перестал рычать, но стоял, подняв голову, и смотрел людям прямо в глаза. Его горло сжималось от спазм, но не издавало ни одного звука, и он дрожал всем телом в бесплодных усилиях что-то выразить.

— Надеюсь, что он не взбесился, — сказала мать Видона. — Я говорила Видону, что северное животное не перенесет нашего теплого климата.

— Мне кажется, он пытается что-то сказать, — решила Бэт.

И в этот момент развязался язык Белого Клыка, и он громко залаял.

— С Видоном что-то случилось, — сказала уверенно жена Скотта.

Все вскочили, а Белый Клык бежал по ступенькам, оборачиваясь, чтобы убедиться, идут ли за ним.

Так залаял он во второй и последний раз в своей жизни, заставив этим лаем понять себя.

После этого случая Белый Клык завоевал сердца всех обитателей долины Санта-Клара, и даже конюх, которому он прокусил руку, согласился, что Белый Клык умная собака, хотя он и волк.

Дни шли за днями, горячее солнце заливало потоками лучей долину Санта-Клара. Но когда дни стали короче и началась для Белого Клыка вторая зима на юге, он сделал странное открытие.

Зубы Колли стали не так остры, как прежде. Ее укусы носили скорее игривый характер и были так слабы, что он почти не чувствовал боли, и он забыл, как она раньше отравляла ему жизнь. Когда же она весело носилась и прыгала вокруг него, он пытался проделывать то же самое, не покидая своей важности, что делало его чрезвычайно смешным.

Однажды она повела его на охоту через поле в лес. Время было после обеда, когда хозяин обыкновенно катался верхом, и Белый Клык знал это. Лошадь стояла оседланная у крыльца.

Белый Клык колебался. Его охватило чувство более сильное, чем повиновение закону и обычаям, которые он теперь твердо знал; более сильное, чем любовь к хозяину, чем любовь к одиночеству. Когда же в этот момент нерешительности Колли слегка укусила его и пустилась в притворное бегство, Белый Клык бросился за нею в догонку. Хозяин ездил верхом один в этот день, а в лесу Белый Клык и Колли бежали рядом, как его мать Кич и старый одноглазый волк бежали много лет назад по безмолвному северному лесу.

ГЛАВА V

Дремлющий волк

Как раз в то время газеты были полны описанием смелого побега одного заключенного из Сан-Квэнтинской тюрьмы. Бежавший был свирепый человек, отчаянный преступник.

В Сан-Квэнтинской тюрьме его признали неисправимым, и никакое наказание не могло сломить его. Он мог бешено бороться до последнего вздоха, не позволяя обществу и закону надеть на него узду. И чем отчаяннее он боролся, тем суровее поступало с ним буржуазное общество; но эта суровость лишь больше ожесточала его. Горячечная рубашка, голод и побои не годились для исправления Джима Холла, а такое обращение с собою он только видел, начиная с детства, в трущобах Сан-Франциско, когда еще можно было вылепить из него нечто иное.

Во время его третьего пребывания в тюрьме ему попался в сторожа почти такой же зверь, как он сам. Сторож обращался с ним скверно; клеветал на него начальству, подорвал к нему всякое доверие и всячески преследовал его. Разница между ними была та, что сторож носил с собою связку ключей и револьвер, а у Джима были голые руки да зубы. Но однажды он набросился на сторожа и прокусил ему зубами горло, как зверь в джунглях.

После этого Джима посадили в камеру для неисправимых, где он пробыл три года. В камере все было из железа: пол, стены, потолок. Никогда не выпускали его из камеры и никогда он не видел там ни неба, ни солнца. Днем в камере царили сумерки, а ночью — черное безмолвье. Он был заживо погребен в железной могиле. Он не видел человеческого лица и ни с кем не обменивался словом.

И вот как-то ночью он бежал. В тюрьме говорили, что это невозможно; тем не менее камера была пуста, и в дверях лежало тело мертвого сторожа. Два других тела указывали след его побега вплоть до внешней стены. Он задушил обоих сторожей руками во избежание шума. Он снял оружие со всех убитых сторожей. Представляя собою таким образом живой арсенал, он бежал в горы, преследуемый наскоро сорганизованной погоней. Крупная сумма была назначена за его голову, и корыстолюбивые фермеры *) с ружьями охотились за ним. Ценою его крови можно было выкупить заложенную ферму или дать сыну образование в колледже **). Добровольцы из горожан, схватив ружья, тоже пустились на охоту. Свора

*) Фермер – крестьянин.

**) Колледж – гимназия, средняя школа.

ищеек была спущена по его кровавым следам, а ищейки закона при помощи телефона, телеграфа и специальных поездов цеплялись за этот след и днем и ночью.

Но Джим Холл исчез. Ищейки напрасно искали его потерянные следы. Вооруженные люди останавливали по подозрению безобидных фермеров в отдаленных долинах и заставляли их удостоверять свою личность. В то же время «труп» Джима Холла находили сразу в десятках различных мест в надежде получить обещанную премию.

В Сиерра-Виста газеты читались в то время не столько с интересом, сколько с беспокойством. Женщины были поражены страхом. Лесничий посмеивался, но его смех был необоснователен: старый Скотт был заседателем в суде, который вынес последний приговор Джиму Холлу. Тогда же на суде Джим Холл открыто заявил, что настанет день, когда он всем жестоко отомстит за осуждение.

Джим Холл был прав в тот раз. Он не был виноват в преступлении, за которое его приговорили. Джима Холла «прокатили» в тюрьму за преступление, которого он не совершал. А на основании двух предыдущих преступлений Джима Холла суд приговорил его к пятидесяти годам тюрьмы

Когда этот приговор к смерти заживо был об'явлен, Джим Холл, и без того ненавидевший оттолкнувшее его общество, поднял на суде такое буйство, что потребовалось с полдюжины полицейских для его усмирения. И тогда же он заявил, что перережет судей и всех заседателей.

Обо всем этом Белый Клык ничего не знал. Но у него с Алисою, женою хозяина, была теперь тайна. Всякую ночь когда все обитатели Сиерра-Виста расходились по спальням, она вставала и пускала Белого Клыка в переднюю. В это время Белый Клык уже не был комнатною собакою, и ему не позволялось спать в доме, поэтому рано утром Алиса спускалась вниз и выпускала его, пока еще в доме все спали.

И вот в такую ночь, когда все уснули, Белый Клык проснулся и лежал очень тихо. Он тихо потянул носом в комнате воздух, в котором почуял присутствие чужого человека. В то же время его уши уловили чуть слышные шаги. Белый Клык не мог разразиться неистовым лаем, да это и не было в его привычках. Чужой бог ступал почти бесшумно, но еще меньше

шума производил шедший за ним Белый Клык, потому что на Белом Клыке не было платья, которое могло бы шуршать. Он следовал сзади, как тень. Преследуя в былые времена в пустыне робкую дичь, Белый Клык научился внезапным нападениям.

Чужой бог остановился у большой лестницы и стал прислушиваться, и Белый Клык замер на месте, продолжая наблюдать и выжидать. Большая лестница вела к любимому хозяину и к дорогим для него существам. Белый Клык ощетинился, но продолжал выжидать. Чужой бог занес ногу на лестницу и стал подниматься.

Тогда Белый Клык бросился на него — без рычания, без малейшего предупреждения. В воздухе мелькнуло в прыжке его тело, и он очутился на спине чужого бога. Белый Клык повис передними лапами на плечах человека и вонзил клыки ему в шею. Он повис лишь на мгновение, но и этого было достаточно, чтобы опрокинуть человека на спину. Они вместе рухнули на пол. Белый Клык вскочил, и так как человек тоже хотел подняться, он бросился на него с оскаленными клыками.

Все обитатели Сиерра-Висты в ужасе проснулись. Снизу доносился такой шум, словно там дрались десятки людей. Но вот послышались револьверные выстрелы; раздался пронзительный крик, полный ужаса и боли, потом громкое свирепое рычание, и вслед за тем звон разбитых стекол и грохот опрокинутой мебели. И так же быстро, как возник, шум замер. Борьба длилась не больше трех минут. Перепуганная семья толпилась на верхней площадке лестницы. Снизу, как из темной бездны, доносились булькающие звуки, похожие на звуки лопающихся воздушных пузырьков. Иногда эти звуки переходили в сопение, почти свист. Но все скоро замерло. И в темноте слышалось чье-то тяжелое дыхание, словно кто-то жадно ловил ртом воздух.

Видон Скотт повернул включатель, и потоки света залили лестницу. Тогда вместе с отцом, вооруженные револьверами, они осторожно спустились вниз. Впрочем, предосторожность оказалась излишнею. Белый Клык уже сделал свое дело. Среди разбитой и опрокинутой мебели на боку лежал человек с лицом, прикрытым рукою. Видон Скотт наклонился, отвел руку и

повернул лицо к свету. Зияющая на горле рана об'яснила причину смерти.

— Это Джим Холл! — сказал лесничий. Отец и сын многозначительно переглянулись.

Потом оба занялись Белым Клыком. Тот лежал так же на боку. Его глаза были закрыты, и веки слегка приподнялись при усилии взглянуть на тех, кто наклонился над ним; при этом он чуть пошевелил хвостом в напрасной попытке помахать им. Видон Скотт погладил его, и из его горла вырвалось знакомое ласковое ворчание. Но и это слабое ворчание скоро прекратилось. Его веки затрепетали и опустились, и все тело судорожно вытянулось на полу.

— Кончается, бедняга, — прошептал хозяин.

— Еще посмотрим, — сказал старик, направляясь к телефону.

— Откровенно говоря, у него на выздоровление один шанс на тысячу, — определил вскоре явившийся хирург после того, как провозился часа полтора над Белым Клыком.

Бледный свет раннего утра проникал в окна и смешивался со светом электричества. За исключением детей, вся семья собралась вокруг доктора, чтобы узнать о результате осмотра.

— Перелом задней ноги, — перечислял доктор, — три сломанных ребра, из них одно проткнуло легкое, и, возможно, какие-нибудь еще внутренние повреждения. Без сомнения, на него вскочили ногами. Кроме того, очень большая потеря крови от трех огнестрельных ран. Один шанс на десять тысяч...

— Нельзя пренебрегать и этим шансом! — воскликнул старый лесничий. — Исследуйте его рентгеновскими лучами, и все прочее. Видон, телеграфируй в Сан-Франциско доктору Никольсу. Это не значит, что я не доверяю, доктор, но, понимаете, нужно испробовать все.

Доктор снисходительно улыбнулся.

— О, я понимаю. Он стоит того, чтобы для него было сделано все, что можно. За ним должен быть уход, как за больным ребенком. Не забудьте же, что я говорил о температуре. Я буду опять в десять часов.

И за Белым Клыком принялись ухаживать. Дочери лесничего с негодованием отклонили предложение отца нанять си-

делку и ухаживали сами. Немудрено, что тот шанс, на который даже не рассчитывал доктор, выпал на долю Белого Клыка.

Нельзя строго осуждать упомянутого доктора за его неправильное предсказание. Всю свою жизнь он лечил людей, изнеженных богатством, потомков нескольких изнеженных поколений. В сравнении с Белым Клыком они были слишком хрупки и вялы и очень слабо держались за жизнь. Но Белый Клык вышел прямо из пустыни, где слабые не выживают, но зато сильные отличаются живучестью. Никакой изнеженности не было в его отце и матери, равно как и в их предках. Он получил от них в наследство железное сложение и живучесть зверя.

Прикованный болезнью к постели, лишенный возможности двигаться благодаря гипсовым повязкам и бинтам, Белый Клык был между жизнью и смертью в течение нескольких недель. Он почти непрерывно спал и видел много снов. В его мозгу проносились вереницами видения далекой северной жизни. Все прошлое оживало и проходило перед ним. Он снова видел себя в пещере с Кич, снова подползал, трепеща, к ногам Серого Бобра с из'явлением покорности, снова убегал в лес от Лип-Липа и от завывающей злобной стаи молодых собак.

Ему казалось, что он то одиноко охотится за дичью в дни голода, то опять бежит во главе упряжки под свист бича Мит-Саха и Серого Бобра и слышит, как они кричат: «Ра-а! Ра-а!», а сани пробираются узким проходом, и все собаки сбиваются в одну кучу. Он снова переживал мучительные дни с Красавцем Смитом и свои бесчисленные битвы. В эти минуты он визжал и рычал, и все говорили, что он видит страшные сны.

Но особенно мучительно его преследовал один кошмар — налетавший с шумом и звоном чудовищный электрический трамвай, похожий в то же время и на стаю огромных завывающих рысей. Иной раз ему казалось, что он ожидает в кустах, когда белка спустится с дерева. Он прыгает на белку, а белка превращается в грозный и страшный трамвай, вырастающий потом в целую гору; и вот трамвай начинал кричать и выть и извергать на него огонь. То же самое было, когда он заманивал ястреба. Бросаясь из небесной синевы, ястреб вдруг превращался в тот же неотступно преследовавший его трамвай...

Наконец, наступил день, когда сняли последний бинт и последнюю гипсовую повязку. Это был торжественный день. Все обитатели Сиерра Висты собрались вокруг Белого Клыка. Хозяин чесал ему за ушами, а он в ответ ворчал свою песню любви. Жена хозяина назвала его «благословенным волком», и это название было подхвачено восторженными криками, и все женщины называли его «благословенным волком».

Белый Клык попробовал встать, но после нескольких попыток упал от слабости. Он лежал так долго во время болезни, что мускулы утратили силу. Ему было немного стыдно этой слабости, как-будто он провинился в чем то на своей службе богам. Вот почему он делал героические усилия, чтобы подняться, и, наконец, стал на все четыре ноги, пошатываясь из стороны в сторону.

— Благословенный волк! — хором восклицали женщины.

Старый лесничий посмотрел на них с торжеством.

— Вот вы сами подтверждаете мое мнение, — сказал он. — То же самое я доказывал все время. Ни одна собака не могла бы перенести то, что он перенес. Он — волк.

— Ему снова надо учиться ходить, — сказал врач. — И он может начать теперь же. От этого ему не будет вреда. Возьмите его на двор.

И его торжественно вывели в сопровождении всех обитателей Сиерра-Висты, оказывающих ему всевозможное внимание. Он был очень слаб, и дойдя до лужайки, лег и несколько времени отдыхал. Затем шествие двинулось дальше, и с каждым шагом его мускулы укреплялись, и кровь быстрее переливалась в жилах. Дошли до конюшни. Здесь в дверях лежала Колли, и подле нее играли на солнце с полдюжины упитанных щенят. Белый Клык глядел на них с чрезвычайным удивлением, а Колли принялась угрожающе рычать, и он принужден был отойти на приличное расстояние. Хозяин подтолкнул к нему ногою одного из щенков. Белый Клык подозрительно насторожился, и хозяин успокоил его. Но Колли, которую сдерживала одна из женщин, своим рычанием предупреждала его, что дело может кончиться вовсе не спокойно.

Щенок подполз прямо к Белому Клыку. Тот повел ушами и внимательно осмотрел его. Затем они коснулись носами, и

теплый язычек щенка лизнул его губы. Тогда, сам не зная почему, Белый Клык высунул язык и лизнул в нос щенка.

Раздались рукоплескания. Он был удивлен и с недоумением смотрел на всех. Почувствовав слабость, он лег, повернув голову и скосил глаза в сторону щенка. Остальные щенки тоже подползли к нему, к большому неудовольствию Колли, и он с важностью разрешил им взбираться на себя и скатываться вниз.

Сначала рукоплескания людей смущали Белого Клыка, и он чувствовал себя очень неловко. Но это прошло, и щенки продолжали возиться на нем, а он терпеливо лежал и, полузакрыв глаза, дремал, согретый солнцем.

—

СОДЕРЖАНИЕ